

ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ УЧЕНЫХ (ЕСУ)

Ежемесячный научный журнал

№ 1 (70) / 2020

6 часть

Редакционная коллегия:

д.п.н., профессор Аркулин Т.В. (Москва, РФ)

Члены редакционной коллегии:

- Артафонов Вячеслав Борисович, кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического и природоресурсного права (Москва, РФ);
- Игнатъева Ирина Евгеньевна, кандидат экономических, преподаватель кафедры менеджмента (Москва, РФ);
- Кажемаев Александр Викторович, кандидат психологических, доцент кафедры финансового права (Саратов, РФ);
- Кортун Аркадий Владимирович, доктор педагогических, профессор кафедры теории государства и права (Нижний Новгород, РФ);
- Ровенская Елена Рафаиловна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз, директор Института судебных экспертиз (Москва, Россия);
- Селиктарова Ксения Николаевна (Москва, Россия);
- Сорновская Наталья Александровна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и политологии;
- Свистун Алексей Александрович, кандидат филологических наук, доцент, советник при ректорате (Москва, Россия);
- Тюменев Дмитрий Александрович, кандидат юридических наук (Киев, Украина)
- Варкумова Елена Евгеньевна, кандидат филологических, доцент кафедры филологии (Астана, Казахстан);
- Каверин Владимир Владимирович, научный сотрудник архитектурного факультета, доцент (Минск, Белоруссия)
- Чукмаев Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права (Астана, Казахстан) (Астана, Казахстан)

Ответственный редактор

д.п.н., профессор Каркушин Дмитрий Петрович (Москва, Россия)

Международные индексы:

Ответственный редактор:

Главный редактор:

Завальский Яков Андреевич (Россия), доктор психологических наук, профессор

Международный редакционный совет:

Научный редактор: Игнатъев Сергей Петрович (Россия), доктор педагогических наук, профессор

Ответственный секретарь редакции: Давыдова Наталия Николаевна, кандидат психологических наук, доцент.

Арсеньев Дмитрий Петрович (Россия),

доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией

Бычковский Роман Анатолиевич (Россия),

доктор психологических наук, профессор, МГППУ

Ильченко Федор Валериевич (Россия),

доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией психологии

Кобзон Александр Владимирович (Россия),

доктор педагогических наук, профессор

Панов Игорь Евгеньевич (Россия),

доктор технических наук, профессор

Петренко Вадим Николаевич (Казахстан),

доктор психологических наук, профессор

Прохоров Александр Октябринович (Казахстан),

доктор педагогических наук, профессор

Савченко Татьяна Николаевна (Беларуссия),

кандидат психологических наук, доцент

Стеценко Марина Ивановна (США),

Ph.D., профессор

Строганова Татьяна Александровна (Украина),

доктор педагогических наук, профессор

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Художник: Валегин Арсений Петрович
Верстка: Курпатова Ирина Александровна

Адрес редакции:
г. Москва, Лужнецкая набережная 2/4, офис №17, 119270 Россия
E-mail: info@euroasia-science.ru ; www.euroasia-science.ru

Учредитель и издатель ООО «Логика+»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии г. Москва, Лужнецкая набережная 2/4, офис №17, 119270 Россия

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Бобровникова Н.С.*
ИЗ ОПЫТА ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ
ПРОФИЛАКТИКИ БУЛЛИНГА СРЕДИ ПОДРОСТКОВ. 4
- Ковязина И.В., Остякова Г.В.*
ФОРМИРОВАНИЕ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ У
СТУДЕНТОВ, БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В
ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ. 6

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Жукова Т.И.,
Страшнова Ю.Г., Страшнова Л.Ф.*
МОНИТОРИНГ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ
ИНФРАСТРУКТУРЫ В ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ
УПРАВЛЕНИИ 12
- Chernikova M.S., Sharifullina A. M.*
CONFLICT MANAGEMENT IN THE PEDAGOGICAL
ENVIRONMENT OF A PRESCHOOL EDUCATIONAL
ORGANIZATION 16

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Базлов А.В.*
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ,
ПРОБЛЕМЫ И СПОСОБЫ ИХ РЕШЕНИЯ 18
- Голованов Н. М.*
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
НАСЛЕДСТВЕННОГО ФОНДА В РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ 22
- Дудоров Т.Д., Посохов С.Э.*
К ВОПРОСУ О ТОЛКОВАНИИ ПОНЯТИЯ И
ОСНОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В
НАУКЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА 26
- Лаптева Л.Е.*
КОРРУПЦИОННАЯ СДЕЛКА: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ
ВОЗМЕЩЕНИЯ НАНЕСЕННОГО УЩЕРБА 29
- Мухитдинова Ф.А., Хайитов Ш.Р.*
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНО-
НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ В
СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ 33
- Mirsoatova Sh.*
THE ESSENCE AND CONTENT OF THE CONCEPT OF
“PUBLIC DIPLOMACY” 37
- Пчелинцева В.В.*
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СМЕШАННОЙ
ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ ИНДИЯ 38
- Чертков Н.Н., Токарева О.С.*
«РАЗРЕШЕНИЕ НАЛОГОВЫХ СПОРОВ В
СОЕДИНЁННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ» 44

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 159.9

ИЗ ОПЫТА ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ БУЛЛИНГА СРЕДИ ПОДРОСТКОВ

DOI: [10.31618/ESU.2413-9335.2020.6.70.563](https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2020.6.70.563)*Бобровникова Наталия Сергеевна**Тульский педагогический университет Л.Н. Толстого
Россия, г. Тула*

FROM THE EXPERIENCE OF PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL PREVENTION OF BULLYING AMONG TEENAGERS

*Bobrovnikova Natalia Sergeevna**Tula pedagogical University of L. N. Tolstoy
Russia, Tula*

АННОТАЦИЯ

В статье представлен краткий обзор социально-опасного феномена «буллинг», подчеркнута важность психолого-педагогической профилактики проблемы подросткового буллинга в образовательной среде. Представлено примерное тренинговое занятие психолого-педагогической профилактики буллинга среди подростков.

ANNOTATION

The article presents a brief overview of the socially dangerous phenomenon of "bullying", and emphasizes the importance of psychological and pedagogical prevention of the problem of adolescent bullying in the educational environment. An example training session for psychological and pedagogical prevention of bullying among teenagers is presented.

Ключевые слова: буллинг, профилактика, агрессия, подростки, насилие.

Keywords: bullying, prevention, aggression, teenagers, violence.

Современные подростки часто сталкиваются с различными проявлениями агрессии, подтверждая, что она является частью жизни каждой личности. В процессе социализации каждый подросток сталкивается с конфликтами, ссорами и другими различными проявлениями агрессивности.

Буллинг - запугивание, унижения, травля, физический или психологический террор, направленный на то, чтобы вызвать у другого страх и тем самым подчинить его себе (И. С. Кон) [5].

В качестве предупреждающих буллинг мероприятий мы предлагаем пример тренингового занятия для подростков.

Вводная часть.

Вспоминается история про двух друзей, идущих в пустыне:

В один момент они поспорили и один из них дал пощёчину другому.

Последний, чувствуя боль, но ничего не говоря, написал на песке:

«Сегодня мой самый лучший друг дал мне пощёчину.»

Они продолжали идти, и нашли оазис, в котором они решили искупаться. Тот, который получил пощёчину, едва не утонул, и друг его спас. Когда он пришёл в себя, то написал на камне: «Сегодня мой самый лучший друг спас мне жизнь».

Тот, кто дал пощёчину и который спас жизнь своему другу, спросил его: «Когда я тебя обидел, ты написал на песке, а теперь ты пишешь на камне. Почему?»

Друг ответил: «Когда кто-либо нас обижает, мы должны написать это на песке, чтобы ветры могли стереть это. Но когда кто-либо делает что-либо хорошее, мы должны выгравировать это на камне, чтобы никакой ветер не смог бы стереть это».

Научись писать обиды на песке и гравировать радости на камне.

Педагог-психолог:

В любом коллективе есть «любимчики» и «хулиганы».

Итак, школьная травля, или буллинг (от англ.- запугивание, физический и/или психологический террор в отношении ребёнка со стороны группы одноклассников), — это форма жестокого обращения, когда физически или психически сильный индивид или группа получает удовольствие, причиняя физическую или психологическую боль более слабому в данный момент ситуации человеку.

Выделяют различные виды травли:

Вербальная (словесная) — насмешки, присвоение кличек, бесконечные замечания и необъективные оценки, высмеивание, унижение в присутствии других и т. п.;

социальное исключение — бойкот, отторжение, изоляция, отказ от общения с жертвой (с ребёнком отказываются играть, не хотят с ним сидеть за одной партой, не приглашают на дни рождения и т. д.);

физическое насилие — избивание, нанесение удара, шлепки, подзатыльники, порча и отнимание вещей и др.

Обычно все виды травли сопутствуют друг другу. Насмешки и издевательства могут продолжаться долго, вызывая у жертвы длительные травмирующие переживания.

Упражнение: «Имя и эпитет».

Цель: знакомство, возможность узнать участников лучше.

Подростки рассаживаются по кругу. Задача каждого участника представиться и подобрать эпитет, определение, подходящий или определяющий личностные качества. Это определение должно начинаться с первой буквы имени участника, например: «Анна – артистичная, Ирина – интересная, Дмитрий – добрый» и т.д. Второй участник повторяет имя и эпитет первого, после добавляет свои определения. Третий повторяет двух предыдущих, затем представляется сам. Таким образом представляются все участники тренинга.

Основная часть.

Упражнение «Гнев на сцене».

Этот игровой коррекционный прием основан на зрительном представлении образа своего негативного чувства.

Подросткам предлагается представить, как выглядел бы гнев на сцене театра. В образе кого выступал бы актер, играющий гнев, - монстра, человека, животного, а может быть, бесформенного пятна? Какого цвета был бы его костюм? Каким он был бы на ощупь - горячим или холодным, шершавым или гладким? Чем бы он пах? Каким голосом говорил бы? Какими интонациями? Как бы он двигался по сцене?

В продолжении упражнения можно нарисовать образ гнева, а еще лучше - войти в роль этого актера и изобразить гнев «от первого лица», выразительно двигаясь за него и произнося реплики, которые ему хочется в данный момент произнести, и с такой громкостью и интонациями, как считает нужным.

Упражнение «Передача чувств»

Цель: сформировать умение передавать различные эмоциональные состояния невербальным способом.

Ход игры: подростку дается задание передать «по цепочке» определенное чувство с помощью мимики, жестов, прикосновений. Когда дети передали его по кругу, можно обсудить, какое именно настроение было загадано. Затем ведущим становится любой желающий. Если кто-то из детей хочет побыть ведущим, но не знает, какое настроение загадать, воспитатель может помочь ему, подойдя и подсказав ему на ушко какое-нибудь настроение.

Упражнение «Битвы на шарах»

Цель: отреагирование агрессии.

Необходимые материалы: воздушные шары разной формы по количеству участников и запас, мел.

Ход работы:

Подростки выбирают для себя шары и надувают их. При надувании можно предложить им вдохнуть вместе с воздухом в шар свою злость, обиду, гнев и т.п.

Ведущий делит группу на пары. Взяв шары, пары выстраиваются напротив друг друга. По команде ведущего, сначала один участник из пары становится нападающим, другой только отражает нападение, не имея права самому нападать. По сигналу участники меняются ролями. Интересно сочетать в парах битву на шарах разной формы и размера. Если подросток небольшого роста, а его напарник больше его, можно предложить первому длинный шар, а второму небольшой круглый.

Затем группа делится на две подгруппы-команды. Между командами оставляется расстояние около двух метров. Участники выстраиваются в линию напротив друг друга. На полу перед командой мелом проводится граница, через которую нельзя переступить. В руках у каждого участника надутый воздушный шар. По сигналу ведущего необходимо «забомбить» группу противника шарами. Фактически, подростки перебрасывают шары на территорию противника. Побеждает та команда, на территории которой окажется меньшее количество шаров (бомб).

Обсуждение.

Упражнение «Робот»

Играющие разбиваются на пары. Один человек в паре – «робот», второй – «оператор». «Робот» может делать только то, что говорит ему «оператор», глаза у него закрыты. Вместе пара должна, например, взять какой-то предмет и переложить в другое место. Затем играющие меняются ролями.

Заключительная часть

Упражнение «Вавилонская башня»

Материалы: цветные маркеры, ватман, заготовленные заранее индивидуальные задания.

Ход упражнения: Участники делятся на 2 команды. Каждому члену команды дается индивидуальное задание. Индивидуальные задания: кратко прописаны на отдельных листах, каждый лист является строго конфиденциальным для одного участника. Например, «Башня должна иметь 10 этажей» – листок с такой надписью вручается одному участнику тренинга, он не имеет права никому его показывать, обязан сделать так, чтобы нарисованная совместно башня имела именно 10 этажей!

Второе задание: «Вся башня имеет коричневый контур» – это задание для следующего участника. «Над башней развевается синий флаг», «В башне всего 6 окон» и т.д. Участникам запрещено разговаривать и вообще как-нибудь использовать голос. Необходимо совместно нарисовать Вавилонскую башню. Время выполнения ограничено (5-7 минут).

Психологический смысл упражнения: в ходе упражнения участники учатся координировать свои действия, взаимодействовать в команде. Развиваются навыки невербального общения.

Обсуждение: трудно ли было выполнять задание? Что показалось наиболее трудным? Успешно ли было взаимодействие в группах? Почему?

Рефлексия.

Упражнение «Алмазы – бриллианты»

Участники сидят в круге. Ведущий раздает участникам листочки с изображением бриллианта и говорит, что «мы все приходим в этот мир, как яркие, искрящиеся своими гранями, чистые алмазы, чтобы освещать мир и радовать всех вокруг себя. С годами, обучаясь, набираясь опыта, грани шлифуются, и мы превращаемся в бриллианты, и сверкаем и искриваемся еще ярче (и т.д.). Но проблемы, неурядицы, неудачи действуют отрицательно и грани тускнеют, и время от времени бриллиант необходимо чистить, чтобы он снова сверкал. Подпишите каждый свой листочек и пустите его по кругу. Пусть каждый напишет в одной из граней комплимент или доброе пожелание.» Упражнение выполнено, когда листочки вернулись к хозяевам. Ведущий предлагает прочитать комплименты (не вслух) и поделиться настроением. Листочки остаются на память у участников.

Обсуждение: чего нам не хватает? Что полезного вынесли для себя, для группы?

Не забывайте, что Вы – единое целое, каждый из Вас – важная и необходимая, уникальная часть этого целого! Вместе Вы – сила!

Список литературы

Васильев Н.Н. Тренинг преодоления конфликтов. -СПб: Речь, 2002. С 22.

Воликова С.В., Нифонтова А.В., Холмогорова А.Б. Школьное насилие и суицидальное поведение детей и подростков//Вопросы психологии. 2013. № 2. С. 12—16

Глазман, О. Л. Психологические особенности участников буллинга // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И.Герцена. - СанктПетербург, 2009. - № 105. - С. 159-165

Захаров В.П., Хрящева Н.Ю. Социально-психологический тренинг: учебное пособие. -Л.: ЛГУ,1989. С 99.

Кон И. Что такое буллинг и как с ним бороться // Семья и школа. – 2006. – № 11. – С. 15–18.

Пазухина С.В. Взаимодействие педагога, психолога и родителей в работе с виктимными детьми // Вузовская наука. Традиции. Новации. Перспективы: Межвуз. сб. научных статей. – Тула: АНО ВПО «ИЭУ», 2007. – 339 с. – С. 176-185.

Baldry A.C., Farrington D. P. Bullies and delinquents: Personal characteristics and parental styles. Journal of Community & Applied Social Psychology. 2000. 10(1). pp. 17—31

УДК: 159.922.7

ФОРМИРОВАНИЕ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ У СТУДЕНТОВ, БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

DOI: [10.31618/ESU.2413-9335.2020.6.70.564](https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2020.6.70.564)

Ковязина Инна Валентиновна

кандидат психологических наук,

доцент кафедры педагогики,

психологии и социального образования

Тюменский государственный университет

г. Тобольск

Остякова Галина Владимировна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики,

психологии и социального образования

Тюменский государственный университет

г. Тобольск

АННОТАЦИЯ

Актуальность темы исследования в значительной мере обусловлена социально-экономическими, политическими и духовно-нравственными изменениями в обществе, дестабилизацией картины мира, разрушением базовой потребности человека в безопасности в стремительно меняющихся природных и социальных условиях, что предъявляет довольно серьезные требования к личности человека, к его жизнестойкости и способности саморегулирования. Специфика работы специалистов сферы «Безопасность жизнедеятельности» представляет интерес также и при исследовании человека, находящегося в трудной жизненной, экстремальной ситуации, каковой является сфера деятельности, связанная с опасностью.

ANNOTATION

The relevance of the research topic is largely due to socio-economic, political, spiritual and moral changes in society, the destabilization of the world picture, the destruction of the basic human need for security in rapidly changing natural and social conditions, which makes quite serious demands on the person's personality, his

resilience and ability to self-regulate. The specifics of the work of specialists in the sphere of "life Safety" is also of interest when studying a person who is in a difficult life, extreme situation, which is the sphere of activity associated with danger.

Ключевые слова: Безопасность жизнедеятельности, копинг-стратегия, подготовка специалистов безопасности жизнедеятельности, психологические основы безопасности жизнедеятельности.

Keyword: Life safety, coping strategy, training of life safety specialists, psychological bases of life safety.

Несмотря на большое количество исследований в области подготовки специалистов безопасности жизнедеятельности, вопрос изучения особенностей совладания (копинг) у будущих специалистов сферы безопасности жизнедеятельности до сих пор остается актуальным, так как имеет недостаточную проработанность в контексте научно-теоретического и практического подходов.

На сегодняшний день при обучении будущих специалистов безопасности жизнедеятельности равнозначно учитываются не только теоретические и практические знания в области ОБЖ, но и психологические основы безопасности. В период подготовки студентов сферы безопасности жизнедеятельности, на наш взгляд, значимо уделять внимание психологической подготовке, в том числе и формированию конструктивных копинг-стратегий у студентов БЖД, что способствует готовности находить выход из нестандартных ситуаций, осуществлять над собой эмоциональный контроль, развитию умения противостоять всевозможным сложностям и на основании перечисленного правильно выстраивать свое поведение. Современному педагогу ОБЖ необходимо самому уметь применять конструктивные поведенческие стратегии в трудных жизненных ситуациях и научить детей их использовать, тем самым способствовать обеспечению психологической защищенности и психическому здоровью школьников.

Анализируя различные теоретические подходы к стратегиям безопасного поведения, можно отметить, что, как отмечает М.В. Кобзев, человек, который вовлечен в деятельность, получает удовлетворение от своей деятельности. В противовес этому, отсутствие убеждения в необходимости осуществления деятельности может привести к чувству отвергнутости, ощущение себя «вне» жизни. Если у человека наблюдается уверенность в себе и в том, что мир великодушен, то ему присуща вовлеченность [1], которую необходимо формировать у будущих специалистов.

Очень важно вырабатывать у будущих специалистов в области безопасности жизнедеятельности эффективные копинг-механизмы, которые будут способствовать поддержанию психосоциальной адаптации в период воздействия стресса, связаны с процессами саморегуляции и их вкладе в успешность выполнения продуктивной деятельности. В последнее время копинги часто рассматриваются как компонент личностного потенциала субъекта.

Копинг-поведение связано и таким с важным психофизиологическим качеством как

устойчивость личности к трудным ситуациям. Так И.А. Баева указывает на взаимосвязь «способности сохранять устойчивость в среде с различными параметрами, в том числе и с психотравмирующими воздействиями с психологической безопасностью личности» [3, с. 6].

Панкратов В.Н. отмечает, что «субъектом самоуправления (саморегулирования) является сам человек, а в качестве объекта могут выступать присущие ему психические явления, выполняемая деятельность или собственное поведение» [4, с. 34].

Кобзев М.В. и Грановская Р.М. подчеркивают, что при совладании индивид может сам создать для себя подходящее окружение, то есть изменить ситуацию, а не пассивно наблюдать за происходящим. Данные действия могут привести к положительным когнитивным изменениям, то есть когнитивному равновесию [1].

Рассказова Е.И., Гордеева Т.О., Осин Е.Н. указывают на то, что особую актуальность на сегодняшний день приобретают теоретические модели и эмпирические исследования, которые учитывают зависимость функций копингов от содержания и этапа осуществления деятельности, а также от личностных факторов [5].

Рассказова Е.И., Гордеева Т.О., Осин Е.Н. указывают на то, что учеными-исследователями предложено не менее 400 стратегий, связанных с преодолением трудных жизненных ситуаций, при этом единой классификации данных стратегий на данный момент не существует. Р. Лазарус обращает внимание, прежде всего, на такие копинги, которые связаны с решением различных проблем и акцентированы на эмоциональных переживаниях субъекта. (их цель – минимизировать дистресс, вызванный стрессором). А.Н. Поддьяков, например, предлагает классифицировать трудные жизненные ситуации в связи с источником их возникновения, указывая на объективные жизненные трудности и трудности, которые создаются окружающими людьми, тем самым указывает на возможные стратегии, способы и ресурсы, которые бы позволили справиться с негативными факторами (Поддьяков, 2008). Одна из последних, и наиболее удачных классификаций включает в себя следующие типы: 1) стратегии когнитивной адаптации; 2) стратегии поведенческой адаптации; 3) эмоционально-ориентированные стратегии (Weiten, Lloyd, 2008).

Стратегии когнитивной адаптации связаны с использованием интеллектуальной деятельности и сосредоточены на изменении отношения к ситуации, например, ее отрицание, ментальное дистанцирование, изменение целей и ценностей, обращение к юмору. Проблемно-фокусированные

стратегии связаны с причиной проблемы и направлены на устранение или преодоление источника данной проблемы, например, поиск нужной информации, обучение специфическим умениям, способствующим решению проблемы, планирование решения проблемы.

Эмоционально-ориентированные стратегии связаны с эмоциональной сферой субъекта и позволяют справляться с негативными эмоциональными переживаниями с помощью их выражения, медитации и релаксации. Все три группы стратегий широко используются людьми [6, с. 84-85].

Следовательно, стратегии совладающего поведения можно разделить на конструктивные и пассивные, а также (на основании способов и ресурсов их преодоления) можно выделить стратегии когнитивной адаптации, стратегии поведенческой адаптации и эмоционально-ориентированные стратегии.

Психологическая подготовка будущих специалистов в области безопасности жизнедеятельности предусматривает реализацию следующих функций и задач:

1. Разработка и проведение психодиагностического обследования будущих специалистов с целью изучения у них индивидуально-психологических особенностей.

2. Организация и проведение конкретных социально-психологических мероприятий с целью развития и формирования у будущих специалистов безопасности жизнедеятельности профессионально-важных качеств.

3. Организация социально-психологических мероприятий по осуществлению профессиональной деятельности будущих специалистов в области безопасности жизнедеятельности в условиях экстремальности.

4. Развитие профессионально-важных качеств специалистов безопасности жизнедеятельности.

5. Формирование у будущих специалистов безопасности жизнедеятельности навыков по оказанию экстренной психологической помощи.

6. Мониторинг специалистов в области безопасности жизнедеятельности с целью изучения динамики развития профессионально-важных качеств или оценки уровня профессионального выгорания специалистов.

7. Разработка и проведение социально-психологических мероприятий по профилактике нежелательных последствий у специалистов в области безопасности жизнедеятельности, связанных с профессиональной деятельностью.

Нами было проведено пилотажное исследование с целью выявления ведущих копинг-стратегий будущих специалистов. В исследовании приняли участие студенты 2-4 курсов направления «Педагогическое образование», всего - 35 человек, из которых 18 – студенты, обучающиеся по профилю, связанному с безопасностью жизнедеятельности, будущие педагоги ОБЖ и 17 человек – студенты, обучающиеся по профилю «Математика, информатика».

Анализ полученных данных показал, что наблюдаются различия у двух групп студентов в выборе способов преодоления трудностей в различных сферах психической деятельности, то есть копинг-стратегий, в определении субъективных эмоционально-смысловых представлений человека о самом себе и других людях и системе убеждений о себе, о мире, об отношениях с миром (на примере жизнестойкости).

Полученные результаты исследования по опроснику способов совладания (копинг-тест) обнаружили, что у студентов, обучающихся по специальности «Математика, информатика», преобладает высокая напряженность копинга (в 90% случаев), связанная с самоконтролем, свидетельствующая о выраженной дезадаптации. Отмечаются усилия по регулированию своих чувств и действий в трудной жизненной ситуации (стрессе). Высокие значения конфронтационного копинга наблюдаются у 33% испытуемых, что свидетельствует об агрессивных усилиях по изменению ситуации, предполагает определенную степень враждебности и готовности к риску. У 16 % студентов отмечена высокая напряженность копинга, связанная с дистанцированием, то есть присутствуют когнитивные усилия отделиться от ситуации и уменьшить ее значимость. Копинги конфронтационный и дистанцирование, как правило, считаются малоэффективными по сравнению с большинством представленных копингов, подчеркивают Т.Л. Крюкова, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляева [2].

У 33% студентов наблюдается положительная переоценка, высокоэффективный копинг, то есть усилия по созданию положительного значения с фокусированием на личностном росте. Включает также религиозное измерение. Остальные копинг-стратегии представлены в меньшей степени.

У 44% студентов, будущих педагогов ОБЖ, отмечается отсутствие высокой напряженности копингов, свидетельствующей о выраженной дезадаптации. Почти у половины студентов данной группы наблюдается разнообразие копинг-стратегий и все копинг-стратегии находятся на среднем уровне (в пределах возрастной нормы), в адаптационном потенциале личности в пограничном состоянии. У 44% студентов данной группы присутствует высокая напряженность копинга, связанная с самоконтролем, то есть отмечаются усилия по регулированию своих чувств и действий в трудной жизненной ситуации (стрессе). У 22% студентов БЖД отмечается бегство – одна из наименее эффективных стратегий, которая, как правило, не облегчает решение проблемы, а наоборот может способствовать накоплению новых проблем (что обусловлено, по нашему мнению, индивидуальными свойствами личности). Это мысленное желание, стремление и поведенческие усилия, направленные к бегству или избеганию проблемы. При этом, избегание может быть более продуктивной стратегией, чем фокусировка на проблеме в

кратковременной перспективе (Е.И. Рассказова, Т.О. Гордеева, Е.Н. Осин).

Анализируя полученные данные (процентное соотношение и средние значения субшкал) в двух группах можно отметить, что, несмотря на индивидуальные особенности совладания (копинг), способность к адаптации к жизненным трудностям проявляется в большей степени у студентов, будущих педагогов ОБЖ. У студентов данной группы чаще наблюдается сознательное поведение, направленное на активное изменение, преобразование ситуации, поддающееся контролю, или на приспособление к ней, если ситуация не поддается контролю. Полученные данные могут быть связаны и со специфической подготовкой студентов в сфере «Безопасность жизнедеятельности».

В ходе диагностики жизнестойкости выявлено, что жизнестойкость ниже нормы наблюдается у 50% студентов профиля «Математика, информатика» и у 44% студентов, будущих педагогов ОБЖ, полученные показатели указывают на наличие внутреннего напряжения в стрессовой обстановке, необходимость совершенствования психологического самоуправления, саморегулирования у данных обучающихся. Так, у большинства студентов первой группы и почти у половины второй группы (44%) контроль в принятии решений, убежденность в том, что борьба позволяет воздействовать на итог совершающего, ниже нормы. Такой компонент жизнестойкости как «принятие риска» находится ниже нормы у 10% студентов, будущих педагогов ОБЖ, и у 33% студентов профиля «Математика, информатика». Данный компонент является важным аспектом саморазвития, понимается как «убежденность человека в том, что все действия, которые с ним случаются, оказывают содействие его развитию за счет знаний, которые извлекаются из опыта» [16, с.293].

Рассматривая такой показатель как вовлеченность, когда человек получает удовлетворение от своей деятельности, можно отметить, что уровень ниже среднего наблюдается у половины (50%) обучающихся по специальности «Математика, информатика» и у 33% студентов, будущих специалистов сферы «Безопасность жизнедеятельности». Данные результаты, возможно, связаны с отсутствием интереса к выбранной профессии (большинство студентов первой группы отмечали, что пришли в вуз «получить высшее образование»). Отсутствие увлеченности вызывает у респондентов чувство отвергнутости, ощущение себя «вне» жизни [27].

Результаты тестирования подтверждают данные, полученные с помощью опросника способов совладания о том, что большинство студентов, будущих педагогов ОБЖ, способны своевременно найти решение возникающих перед ними проблем, выход из сложных жизненных ситуаций, они направлены на решение жизненных и профессиональных задач. При этом студентам с дезадаптацией и низким уровнем развития

жизнестойкости необходимы дальнейшая психокоррекционная работа и обучение способам совладания с жизненными трудностями, чтобы способствовать личностному и профессиональному росту, самосовершенствованию. Жизнестойкость является фактором профилактики риска нарушения работоспособности, развития соматических и психических заболеваний в условиях стресса, и одновременно способствуют оптимальному переживанию ситуаций неопределенности и тревоги. Жизнестойкие убеждения создают своего рода «иммунитет» к действительно тяжелым переживаниям. Важно, что жизнестойкость влияет не только на оценку ситуации, но и на активность человека в преодолении этой ситуации (выбор копинг-стратегий).

Результаты анкетирования («ЛД») показали, что субъективные эмоционально-смысловые представления о самом себе и других людях у студентов профиля «Математика, информатика» и у студентов, будущих педагогов ОБЖ, имеют некоторые отличия. Первый фактор, свидетельствующий об уровне самоуважения, не показал различий в двух группах. Средний балл у студентов профиля «Математика, информатика» и у студентов 2 группы равен 21 (средние значения фактора О), при этом и в первой и во второй группе наблюдается по одному человеку, которые имеют неудовлетворенность собственным поведением и особенностями своей личности.

Второй фактор (фактор Силы), свидетельствующий о развитии волевых сторон личности, уверенности в себе, независимости, склонности рассчитывать на собственные силы в трудных ситуациях, обнаружил некоторые различия в двух исследуемых группах. Средний балл у студентов будущих педагогов ОБЖ, оказался несколько выше [18, 2], чем в группе «Математика, информатика» [17, 5]. Полученные результаты подтверждают данные предыдущих методик, свидетельствуя о том, что студенты, будущие педагоги ОБЖ, чаще склонны выбирать продуктивные стратегии совладания, чем студенты других профилей, например «Математика, информатика».

При этом фактор активности как показатель экстравертированности или интровертированности личности выявил, что в группе студентов специальности «Математика, информатика» экстравертов больше (Средний балл равен 7,2), чем у студентов, будущих педагогов ОБЖ (4,2). По нашему мнению, это связано с тем, что каждая из групп имеет специфические индивидуально-типологические характеристики ее членов (личностей).

На основании полученных данных можно говорить о том, что студенты первой группы чаще проявляют высокую активность, общительность и импульсивность, однако это не определяет правильный выбор копинг-стратегий.

Всё выше изложенное позволяет сделать вывод о том, что студенты, будущие педагоги ОБЖ, используют чаще продуктивные копинги, чем

студенты специальности «Математика, информатика».

На основе исследования нами были сделаны следующие выводы:

1. Сравнительный анализ результатов диагностики групп «Математика, информатика» и «Безопасность жизнедеятельности» показал отличия в выборе копинг-стратегий. Студенты, будущие педагоги ОБЖ, чаще выбирают эффективные (продуктивные) стратегии совладания, что, возможно связано со спецификой учебной деятельности, направленной на подготовку будущих специалистов к работе в условиях чрезвычайных ситуаций.

2. У большинства студентов, будущих педагогов ОБЖ, отмечается более высокий уровень жизнестойкости, чем у студентов профиля «Математика, информатика», что свидетельствует о «иммунитете» к действительно тяжелым переживаниям, влияющим на выбор копинг-стратегий.

3. Средний балл развития волевых сторон личности, уверенности в себе, независимости, склонности рассчитывать на собственные силы в трудных ситуациях, у студентов, будущих педагогов ОБЖ, оказался немного выше, чем у студентов профиля «Математика, информатика», что, несомненно, способствует нахождению выхода из трудных жизненных ситуаций.

4. Выбор продуктивных копинг-стратегий, наличие жизнестойкости, независимости, воли и др. у большинства студентов, будущих педагогов ОБЖ, по нашему мнению, свидетельствует о психологической готовности будущих специалистов.

В условиях нашего исследования была выделена небольшая группа студентов (22%), будущих педагогов ОБЖ, характеризующаяся предпочтением одной из наименее эффективных стратегий – бегство (избегание трудных ситуаций). В психологической литературе отмечается, что избегание практически во всех исследованиях рассматривается как неэффективный копинг, приводящий к ухудшению ситуации, а в дальнейшем и нарушениям здоровья. Полученные результаты исследования побудили нас разработать психолого-педагогические рекомендации, цель которых – содействие становлению эффективных (продуктивных) стратегий совладания у студентов, будущих педагогов ОБЖ.

На основе анализа психолого-педагогической литературы нами был разработан ряд рекомендаций по формированию безопасного поведения личности, эффективных (продуктивных) стратегий совладания будущих специалистов в области безопасности жизнедеятельности. Личностная безопасность, по нашему мнению, связана с социально-психологической компетентностью субъекта, то есть с его умением разрешать конфликты, избегать рискованных связей, чтобы не стать жертвой обмана или насилия.

Среди рекомендаций нами были выделены следующие.

1. Для коррекции поведения личности, по нашему мнению, необходимо следовать социально-психологическому подходу к формированию безопасного поведения, который предполагает: социально-психологическую диагностику личности, социально-психологическое консультирование, проведение тренингов по формированию социально-психологической компетентности, связанной с обеспечением безопасного поведения, выбором эффективных (продуктивных) стратегий совладания. Элементы социально-психологической диагностики личности и тренинговой работы рекомендуется использовать педагогам на практических занятиях курсов «Основы психологической безопасности жизнедеятельности», «Информационная безопасность» и других.

2. Безопасное поведение человека включает в себя оптимальное функционирование индивида в неблагоприятных условиях профессиональной среды, что невозможно, на наш взгляд, без саморегуляции своего состояния и снятия психоэмоционального напряжения. С этой целью рекомендуем студентам овладеть аутогенной тренировкой, которая дает возможность регулировать свои эмоции, развивает волю, внимание, формирует привычку к самонаблюдению и самоотчету, повышает устойчивость и лабильность высшей нервной деятельности.

3. Будущему педагогу ОБЖ, необходимо уметь управлять стрессовыми реакциями и негативными эмоциями, для этой цели необходимо освоить будущим специалистами основы прогрессивной мышечной релаксации, дыхательную гимнастику и др., что является основной целью психологической подготовки специалистов сферы «Безопасность жизнедеятельности». Так, например, можно овладеть следующими несложными упражнениями: физические упражнения (например, быстро сделать несколько прыжков или приседаний) как способ разрядки эмоций гнева, дыхательные упражнения, например, «Воздушный шарик», «Пресс» и др.

Литература

1. Кобзев, М.В. Связь жизнестойкости будущих специалистов водного транспорта со стратегиями совладания и защитными механизмами личности [Текст] / М.В. Кобзев. // Сибирский педагогический журнал. – 2009. – №5. – С. 291-299.
2. Крюкова, Т.Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы [Текст] / Т.Л. Крюкова (2-е изд., испр.). – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова. – Авантитул, 2010. – 64 с.
3. Обеспечение психологической безопасности в образовательном учреждении: практическое руководство [Текст] / Под ред. И.А. Баевой. – СПб.: Речь, 2006. – 288 с.

4.Панкратов, В.Н. Саморегуляция психического здоровья [Текст]: практическое руководство / В.Н. Панкратов. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2001. – 352 с.

5.Рассказова, Е.И. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики СОРЕ [Текст] / Е.И. Рассказова, Т.О. Гордеева, Е.Н. Осин // Психология.

Журнал Высшей школы экономики. –2013.– Т.10. – № 1. – С. 82-118.

6.Рассказова, Е.И. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики СОРЕ [Текст] / Е.И. Рассказова, Т.О. Гордеева, Е.Н. Осин // Психология. Журнал Высшей школы экономики. –2013.– Т.10. – № 1. – С. 82-118.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

МОНИТОРИНГ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ

DOI: [10.31618/ESU.2413-9335.2020.6.70.560](https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2020.6.70.560)**Жукова Т.И.,***Федеральный исследовательский центр
"Информатика и управление"**Российской академии наук,
вед.научн.сотр., к.э.н.,**г. Москва, Россия,***Страинова Ю.Г.,***Научно-исследовательский и проектный
Институт Генплана Москвы,**рук.мастерской, к.техн.н.,**г.Москва, Россия***Страинова Л.Ф.***Научно-исследовательский и проектный
Институт Генплана Москвы,**рук.сектора, к.арх.н.,**г.Москва, Россия*

АННОТАЦИЯ

В статье описан системный подход к проведению оценки фактического уровня развития объектов социальной инфраструктуры районов Москвы в составе работ по мониторингу реализации Генерального плана, который осуществляется в соответствии с Постановлением правительства Москвы. Представлена разработанная методика построения Интегрального индекса развития социальной инфраструктуры районов города Москвы, позволяющего на объективной основе с учетом мнения жителей районов производить оценку качества жизни населения районов с точки зрения удовлетворенности развитием сферы услуг. Представленная методика опробована на 25 районах г.Москвы.

Ключевые слова: мониторинг реализации Генерального плана, социальная инфраструктура, индекс развития социальной инфраструктуры.

Потребности общественной практики, характеризующиеся высоким динамизмом происходящих перемен, диктуют необходимость использования эффективного инструментария, обладающего организационными преимуществами, связанными с возможностью комплексной и однозначной интерпретации параметров изучаемого процесса или явления, доступных измерению и обработке. В практике современного управления большая роль отводилась и отводится развитию методов и инструментов оперативного контроля, основанного на объективной оценке состояния системы и тенденций ее развития. Основой этой оценки является использование некоторых групп явлений, параметров, факторов, входящих в понятийную форму "мониторинговые индикаторы", формирующаяся по критериям комплексности, интегративности отражения результирующего состояния основных причинных взаимодействий в их количественных и качественных взаимосвязях. Систематические исследования, направленные на объективный анализ реальности и предоставляющие достоверную основу для оперативного оценивания, прогноза возможных состояний и выработки коррекционно-упреждающих мер управленческого воздействия, составляют суть мониторинговых исследований, и выступают в качестве особой информационной

технологии, позволяющей получать более точную информацию о состоянии объекта наблюдения, с максимальной точностью оценивать вероятность наступления возможных тенденций и явлений во всем многообразии взаимодействия его компонентов как системы.

Мониторинг городских изменений в градостроении является неотъемлемой частью регионального планирования, процессом, посредством которого политика и стратегические планы пересматриваются и обновляются, адаптируются во время их реализации.

Деятельность по планированию следует рассматривать как непрерывный процесс, и процедуры составления плана итеративно направлены на движение к наилучшему результату на основе использования информационных систем [1]. При рациональном планировании подход, качество планирования и процесс принятия решений может быть существенно улучшен при наличии соответствующих данных и эффективной обработки. Как таковые, пространственно привязанные данные являются фундаментальной частью информационного подхода к территориальному планированию.

Учитывая динамичный характер планирования и управления, особенно важно иметь адекватную информационную систему, предусматривающую мониторинг и надзор за соблюдением правила

планирования, которая служит системой раннего предупреждения в отношении источников провалов, дисбалансов, недостатков и сбоев в процессе планирования и управления. Поэтому на уровне руководства необходима актуальная и надежная информация, призванная содействовать административным процедурам, планированию и осуществлению политики, а также развитию стратегии.

Требованиям такого анализа в полной мере отвечает мониторинг как метод познания общественных процессов в их статике и динамике. Будучи действенным инструментом социальной диагностики и прогнозирования функционирующей социальной сферы, он позволяет в заданных пространственных границах и временных интервалах регулярно получать оперативную управленческую информацию. Несомненное преимущество мониторинга, в сравнении с разовыми исследованиями, заключается в его способности систематически наращивать и интегрировать необходимые данные по широкому кругу стандартных социальных показателей и создавать на этой основе постоянно обновляющиеся информационные банки. Именно этим обстоятельством объясняется возрастающая популярность этого метода в практике социологического анализа как формы научно-практической активности.

Следует отметить, что несмотря на универсальность и объективность рассматриваемого инструментария, он в значительной степени зависит от области применения, поскольку основан на всестороннем изучении объекта исследования, и увеличение степени его изученности позволяет с большей точностью сформировать группы показателей, образующих в своей сущности единый смысловой ряд и характеризующих специфику и динамику изучаемого объекта.

И все же можно выделить основные черты мониторинговых информационных систем, которые при использовании в оперативных управленческих структурах должны выполнять следующие функции:

Описательная функция. Разработка системы мониторинговых индикаторов должна осуществляться на основе системного анализа объекта исследования, во всей полноте характеризующего составляющие его элементы и уровень их развития, но при этом отсекающего излишнюю информацию, не имеющую решающего значения для характеристики явления;

Когнитивная функция - информационная система также способствует улучшению понимания рассматриваемых проблем, предоставляя ключевые факторы и переменные, которые могут быть проанализированы с помощью методов аналитического моделирования и других статистических подходов;

Нормативная функция - информационная система также может способствовать совершенствованию современных стандартов

планирования путем учета обратной связи, полученной от вновь привлекаемых информационных потоков, свидетельствующих о конкретных последствиях уже предпринятых действий.

Таким образом, информация используется для выполнения двух наборов задач. Во-первых, информация играет определенную роль в процессе принятия решения о том, какие действия предпринять, включая как оперативное, так и стратегическое решение и, во-вторых, как организована деятельность с точки зрения управленческого контроля. Главное требование - наличия объективных характеристик, которые в достаточно полной мере позволяют сравнивать объекты между собой и в динамике.

Таковыми характеристиками, показывающими, насколько близко находится развитие выбранного аспекта изучаемого объекта к запланированной имплементации, являются реалистичные и измеримые показатели состояния объекта – *индикаторы*. В программном мониторинге они выполняют роль инструментов, которые используются для оценки состояния программы путем определения ее характеристик или переменных, а затем отслеживания изменений в этих характеристиках со временем или между группами. Надлежащие индикаторы являются ключевыми факторами для любой эффективной системы мониторинга и оценки, поскольку предоставляют точные и актуальные данные, необходимые для отслеживания прогресса программы. Если рассматривать их существенные характеристики в данном аспекте, то именно они формируют связь между теорией и практикой, поскольку свидетельствуют о том, был ли достигнут результат, произошел ли немедленный эффект или наблюдались долгосрочные изменения. Показатели сами по себе жизненно важны для этого процесса, так как они являются ключом для успешного отслеживания изменений или проблем программы

В наши дни общепринятым подходом для разработки показателей в области мониторинга и оценки, основанным на передовой практике, является их соответствие критериям SMART (Specific, Measurable, Achievable, Realistic, Timely) [2]. Они должны быть:

1. Конкретными: показатель должен с наибольшей степенью точности измерить объект наблюдения и быть переведен в оперативные общеупотребляемые термины. Самое главное, необходимо, чтобы собранные данные были четко и непосредственно связаны с достижением конкретной цели для возможности измерения прогресса в достижении результата.

2. Измеримыми: индикатор должен представляться в общепринятой системе измерений и входить в систему открытых регулярных статистических публикаций или быть легко рассчитываемым на основе официальных информационных источников. Индикаторы должны предоставлять объективные данные:

независимо от того, кто собирает данные, их измерение и интерпретация должны быть однозначными и сопоставимыми по группам и по времени, что позволяет сравнивать и агрегировать изменения.

3. Достижимыми: Логически и тесно связаны с целями проектов и являются достижимыми в результате их имплементации.

4. Реалистичными: показатель должен быть достоверным показателем результата, а также быть полученными при разумной стоимости, частоте и точности.

5. Своевременными: показатели должны быть своевременными в нескольких аспектах. Во-первых, они должны быть актуальными, во вторых – с точки зрения времени, проведенного в сборе данных - требовать соизмеримо немного времени по сравнению с выполнением проекта, наконец – должны соответствовать выбранному интервалу времени для осуществления оценки с выбранной частотой сбора данных для эффективного мониторинга и оценки программ.

Наконец, необходимо отметить, что для получения наиболее объективных результатов необходимо объединять качественные и количественные данные, которые обладают совершенно разной ценностью. Основной целью мониторинга является получение объективной информации качественного и количественного характера для составления системного представления о ходе реализации стратегического развития, выявления складывающихся диспропорций для принятия управленческих решений. Количественные показатели часто используются для оценки прогресса в достижении поставленных целей (например, число построенных школ или поликлиник), и, хотя числа сами по себе не могут измерить качество или эффективность каждого управленческого действия, они могут быть их косвенными показателями, и поэтому так важно, чтобы они были напрямую связаны с индикаторами достижения цели. Качественные данные характеризуют более тонкие оценки, связанные с субъективным восприятием хода выполнения работы. Как правило, они собираются от заинтересованных сторон посредством семинаров, фокус-групп или полуструктурированных интервью. Они могут послужить хорошими показателями достижения или влияния на цели, а также раскрыть понимание процессов и отношений. Подходы на основе участия, как правило, дают много качественной информации, а соединение этих двух типов информации приводит к наиболее объективным результатам.

В данной статье приводятся результаты работы по созданию инструментария для проведения мониторинга при использовании в структурах территориального управления. С учетом всех вышеперечисленных требований к методологии проведения мониторинга была решена прикладная задача разработки методики оценки фактического состояния объектов

социальной инфраструктуры в составе работ по мониторингу реализации Генерального плана города Москвы, который осуществляется в соответствии с Постановлением правительства Москвы [3].

Основными составляющими проблемы развития социальной инфраструктуры города являются: некомплектность развития постоянного отставания темпов строительства объектов социальной инфраструктуры от темпов ввода жилья, относительно низкая сложившаяся плотность социальных функций в периферийной зоне города, отсутствие земельных ресурсов в районах сложившейся застройки в ранее установленных границах Москвы, низкая коммерческая привлекательность и необходимость государственной поддержки в размещении ряда видов объектов. Объекты социальной инфраструктуры включают объекты учебно-образовательного назначения, здравоохранения, социального обеспечения, объекты культурно-досугового, спортивного, торгово-бытового назначения, объекты отдыха и туризма.

Сложившиеся проблемы в развитии социальной инфраструктуры города могут усилиться в связи с прогнозируемым увеличением численности постоянного населения города и мест приложения труда в Москве, увеличением в социально-демографической структуре населения Москвы доли жителей старше трудоспособного возраста, а также в связи с изменением потребительских предпочтений разных возрастных категорий населения, формирующих требования к качеству социального обслуживания.

Цель данной работы – разработать инструмент, способный, аналогично актуальной методике построения Индекса качества городской среды для городов РФ, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 марта 2019 г. № 510-р, дать основу для расчета Интегрального индекса развития социальной инфраструктуры районов города Москвы, который необходим для объективной системной оценки социального развития районов в процессе динамического мониторинга реализации Генерального плана города Москвы.

Сфера услуг призвана обеспечить высокое качество жизни для населения, и достижение этой цели возможно при реализации стратегии, основанной на методологии оптимального насыщения городской территории объектами социальной инфраструктуры. В соответствии с паспортом федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» национального проекта «Жилье и городская среда» уровень развития социальной инфраструктуры является одним из важнейших критериев оценки среды проживания, поскольку свидетельствует о том, насколько город готов к современным вызовам и отвечает потребностям горожанина. Кроме того, целью Индекса является возможность сравнить и оценить районы Москвы по выбранным критериям, и оценить, какие социальные сферы наиболее остро

нуждаются в изменениях, выделить «болевые» точки каждого района.

В этих целях была предложена методика расчета Интегрального индекса развития социальной инфраструктуры района. Основываясь на выше представленных выводах и результатах системного анализа категории «городская сфера услуг», в качестве индикаторов для оценки уровня развития социальной инфраструктуры района выбраны показатели по семи отраслям сферы услуг, среди которых: торговля, здоровье и оздоровление, физкультура и спорт, образование, культура и досуг, бытовые услуги, социальная поддержка.

Анализ социальной инфраструктуры района и условий проживания населения показал, что принятие управленческих решений по внесению изменений в стратегический план развития требует комплексной разносторонней информации, которая даёт объективную картину всех процессов и элементов стратегического развития. Вследствие этого основные показатели, инструменты мониторинга не ограничились только статистическими данными, а включили в себя материалы социологических исследований, экспертных опросов, позволяющих оценить действенность программно-целевых методов, реализацию принятых проектов и мероприятий, а также обеспечить участие гражданского общества в стратегическом развитии экономических систем.

Разработанная методика состоит из последовательного выполнения трех этапов исследования.

На первом этапе рассчитывается Индекс 1 – Индекс фактической обеспеченности районов объектами социальной инфраструктуры (по отдельным отраслям и суммарного индекса по району в целом), «расчетный индекс». Индекс 1 определяется путем соотнесения фактических объемов обеспеченности населения отдельными видами объектов социальной инфраструктуры, рассчитанных в относительных значениях, с нормированной шкалой отраслевых нормативов в сопоставимых единицах измерения. Ему присваивается значение, характеризующее степень соответствия фактической обеспеченности населения нормативному уровню по отдельным отраслям социальной инфраструктуры, а затем эти отраслевые индексы суммируются по выбранным отраслям. При расчете Индекса 1 учитываются объекты районного и городского уровня, также учитываются уточняющие «взвешивающие» коэффициенты, такие как коэффициент значимости отрасли, коэффициент охвата территории, типология районов с установлением различных классификационных нормативов. Сопоставимость индикаторов и единиц их измерения обеспечивается путем использования статистических источников, выпускаемых Федеральной службой государственной статистики по городу Москве ("Мосгорстат"), и информационной базы данных, построенной на основе статистики органов исполнительной власти.

Кроме прямого назначения в структуре элементов расчета Индекса, анализ значения этого показателя является основанием для формализованного ответа на вопрос, в какой степени выбранная стратегия развития района и его основные достижения является оптимальной с точки зрения соответствия общегородским ориентирам и достижения основной цели – обеспечить высокую комфортность проживания граждан в своем городе?

Однако, методология системного анализа, требующая всестороннего рассмотрения исследуемого объекта с учетом возможно большего количества характеризующих его функциональных точек зрения, диктует расширение исследовательской задачи в данном проекте и включения элементов общественного участия в оценку уровня развития социальной инфраструктуры районов г.Москвы. Поскольку показатели, включенные в методику расчета индекса обеспеченности характеризуют фактически располагаемый потенциал объектов социальной инфраструктуры, то решено дополнить анализ показателями реального практического использования существующих ресурсов со стороны тех, для кого они предназначены, т.е. являются индикаторами эффективности самой территориальной стратегии в целом. Эта задача решается путем расчета Индекса 2 – Индекса удовлетворенности жителей состоянием развития социальной инфраструктуры районов проживания.

Индекс 2 дает возможность учесть мнение горожан относительно качества социального обслуживания в районах их проживания с точки зрения удовлетворенности жителей и устанавливается в результате проведения социологического опроса жителей районов Москвы, в котором аккумулируются ответы на вопрос: «Удовлетворены ли Вы состоянием развития социальной инфраструктуры Вашего района?» по выбранным отраслям сферы услуг. В настоящей работе оценке подвергаются 25 районов Москвы (пилотный проект) по 7 критериям, соответствующим отраслям социальной инфраструктуры: образование, здравоохранение, физкультура и спорт, культура, социальная защита, торговля, бытовое обслуживание, общественное питание.

Суммирование двух индексов позволяет рассчитать Интегральный индекс развития социальной инфраструктуры районов, учитывающий уровень фактической обеспеченности и мнение москвичей о развитии социальной сферы районов. На основании данных оценок выстраивается рейтинг этих районов путем их сортировки от первого к последнему по возрастанию рассчитанного интегрального индекса (минимальное его значение соответствует наилучшим показателям развития).

Анализ дополняется результатами ответов на вопрос: «Каких объектов социальной инфраструктуры не хватает в Вашем районе», которые дают направление перспективных

изменений, в которых остро нуждается район. (Более подробно результаты применения данной методики к оценке уровня развития социальной инфраструктуры 25 районов города Москвы, включая итоги социологического опроса жителей выбранных районов, будут являться непосредственным предметом последующих работ авторов).

Построение индексов и на их основе рейтингов районов позволяет осуществлять мониторинг ситуации в районах города, отслеживать и оценивать изменения в динамике (с выбранным периодом времени), выделять эталонные районы, строить типологию мест проживания, основываясь на приоритете высокого социального развития и комфортности территорий проживания москвичей. В зависимости от доступности данных и появления новых способов анализа районных территорий индикаторы могут быть изменены, а их количество увеличено.

Данная работа обобщает создание инструментария для использования в структурах территориального управления. Впервые описанная методика была использована в процессе сравнения уровней информатизации государственных структур в административных центрах субъектов Российской Федерации и показала высокую эффективность применения [4]. Было эмпирически подтверждено, что результаты предоставляют ценную информацию для экспертов в области

муниципального управления как базу для сравнения и выявления направлений, в которых растут предпочтения жителей. Основываясь на учете мнения жителей о качестве жизни в районе, методика позволяет оценивать достижение целей на разных этапах и уровнях выполнения программ: сумма индексов указывает разрыв между районами, рейтинг – порядок убывания уровней, а линейка индексов по отраслям и сравнение со средними значениями дает возможность высветить основные проблемы анализируемых территориальных единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Залешина М.В. Информационные технологии в градостроительстве: вчера, сегодня, завтра // Территория и планирование, №3(33). – С.106-111
2. Kusek J., Khatouri M. Results-based Monitoring and Evaluation in Bank projects, HD Learning Week, November 6, 2006.
3. Постановление Правительства Москвы от 26 октября 2018 г. № 1310-ПП «Об утверждении Порядка осуществления мониторинга реализации Генерального плана города Москвы».
4. Жукова Т.И. Информатизация госсектора в регионах России: методика эмпирического анализа. Труды Института системного анализа РАН, 2013 г., т.62, №4.

CONFLICT MANAGEMENT IN THE PEDAGOGICAL ENVIRONMENT OF A PRESCHOOL EDUCATIONAL ORGANIZATION

Chernikova Marina Sergeevna
candidate of pedagogical Sciences,
associate Professor

Sharifullina Anisa Mavlyvievna
3rd year student of the GFSBirska branch
of the Bashkir state University.
Birska

ANNOTATION

This article discusses conflict management in the pedagogical environment of a preschool educational organization. The article defines: specific features in the educational organization, a characteristic of the internal environment of the organizational system, groups of factors affecting the development of the conflict in the team.

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается управление конфликтами в педагогической среде дошкольной образовательной организацией. В статье определены: специфические особенности в образовательной организации, характеристика внутренней среды организационной системы, группы факторов влияющие на развитие конфликта в коллективе.

Keywords: pedagogical environment of preschool educational organization, internal environment of organizational systems, school, factors affecting the development of conflict in the team.

Ключевые слова: педагогическая среда дошкольной образовательной организацией, внутренняя среда организационной системы, школа, факторы, влияющие на развитие конфликта в коллективе.

It is well known that any activity, including in educational institutions, is associated with conflicts. One of the important factors in increasing the effectiveness of educational organizations is the development of harmonious, friendly and constructive relations in pedagogical collectives. and this, in turn, involves the active management of conflicts in

educational institutions in general, and educational in particular. In this regard, in modern conditions, for the employees of a preschool educational institution to successfully fulfill their professional duties, not only a high level of professionalism is required, but also developed skills in the field of conflict management in a preschool educational institution.

For ordinary employees of a preschool educational institution, this implies a theoretical awareness of conflict resolution issues; knowledge of conflict analysis skills, choosing the optimal behavior strategy in it. A special role in ensuring a favorable climate in the team of a preschool educational institution is played by its leader. correspondingly high are the requirements for the conflictological competence of the head of a preschool educational institution, which implies a deep theoretical base in the field of conflictology and social psychology, conflict management skills, etc. however, science recognizes that conflict is an inevitable part of the lives of people, collectives, and large communities. accordingly, the conflicts themselves are considered as phenomena of social life, which have both negative and positive, constructive meaning for collectives and organizations. Thus, the problem of conflict management in a preschool educational organization does not imply the exclusion of conflicts from the life of the organization, which is practically impossible, but an increase in their constructive component.

Conflicts in an educational organization, in particular in a preschool educational organization, have their own specific features, but at the same time retain some common features for all organizational conflicts. Therefore, we consider the specifics of conflicts in the organization.

Based on their number of features inherent in the organization as a social institution, S.M. Emelyanov offers his own interpretation of the term: "An organization is a social group uniting, on the basis of a common goal, entities whose activities are deliberately coordinated and directed in order to solve assigned tasks." with this in mind, the organization should be considered as a complex having its own structure, goals, objectives, reallocation of roles and management functions of its members with the definition of authority and responsibility, as well as the establishment of the relationship of structural units. any organization has its own internal environment and takes a certain place in the external. social conditions and environmental aspects have an impact on internal processes that can transform into causes of contradictions in the primary production of the collective. we are talking about socio-political, regulatory and economic factors.

The main characteristic of the internal environment of the organizational system is its organizational structure, which is considered as the ratio of executive and managerial elements entering into legal and economic relations in the process of division and cooperation of labor.

In this regard, when analyzing conflicts, factors of not only the external environment, but also the internal ones, as well as the interests and values of the parties involved, should be taken into account. the organizational structure of the enterprise usually has production and management parts. the management structure, as a rule, is presented at three levels: directorate, workshops and departments, production sites.

An educational institution, being a socio-pedagogical system, cannot function without human participation. it is he who manifests his individual

forms of behavior, has his own views, values, ideas and certain character traits, becomes the subject of conflict.

The process of conflict development in the organization is influenced by various groups of factors:

1. factors of a production nature. these are administrative abuses, various innovations, reforms, ambiguities in the distribution of duties, responsibilities and burdens, especially interpersonal relations in the work collective, adverse working conditions, etc.

2. factors that are non-productive in nature. this is the state of health of the employee, his family life, ways of organizing leisure activities, social conditions, etc.

3. The immediate causes that contribute to the emergence of a situation of psychological tension that develops into conflict. they are usually material, technical, organizational, socio-professional, psychological, demographic.

Doctor of Psychological Sciences A.Ya. Antsupov in his works identifies four groups of factors conducive to the emergence of conflicts in educational institutions:

- objectively determined;
- factors of organizational and managerial nature;
- personal characteristics.

The first and second groups of factors do not depend on the will of the subjects, while the third and fourth are subjectively determined. objective reasons for the conflict of interest are the circumstances that develop in the process of relationships, leading to a clash of opposing interests. during the educational process, the causes of conflict are dissatisfaction with material and spiritual needs, the unsettled life of teachers and students, as well as other external factors. all this contributes to the emergence of psychological tension, leading to a clash of interests. another group of objective reasons that are organizational and managerial in nature, inherent in the element of subjectivity. here the reasons are closely connected with the creation and functioning of organizational structures and their labor collectives.

Thus, the practical problem of improving the effectiveness of conflict management in a preschool educational organization, due to the importance of increasing the constructive potential of conflicts in the organization to improve the psychological climate in the team and improve the quality of upbringing and education of preschool children.

At the same time, there is a contradiction between the need for preschool educational organizations in scientific data on the specifics of conflicts in a preschool educational organization and recommendations for managing them and the insufficiency of this kind of information.

LITERATURE

1. Antsupov A. ya. Conflictology: Textbook for universities / A. ya. Antsupov, A. I. Shipilov. - M: UNITY, 2014. - 441 p.

2. Emelyanov, S. M. practical Work on conflictology. - 2nd ed., additional and pererab. / S. M. Emelyanov. - SPb.: Peter, 2013. - 400 s.

3. Obolonsky, Yu. V. Acmeological conditions and factors of management of organizational conflicts: dis. ... Cand. the course of studies. Sciences: 19.00.13 / Obolonsky Yu. V. - M., 2012. - 160 p.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК: 343.1, 343.01

ГРНТИ: 10.77.01, 10.79.01

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ, ПРОБЛЕМЫ И СПОСОБЫ ИХ РЕШЕНИЯ

*Базлов Артем Вячеславович,
Студент Юридического института
Вятского государственного университета.*

PERSPECTIVES OF DEVELOPMENT OF CRIMINAL POLICY, PROBLEMS AND WAYS OF THEIR DECISION.

*Bazlov Artyom V.
Student of Vyatka state University.*

АННОТАЦИЯ

Статья написана на основании изучения законодательства, научных трудов и судебной практики, направлена на анализ и решение проблем современного уголовного права и процесса. В статье продемонстрированы стадии, по которым будет развиваться наше государство, результаты уже пройденных обобщены, задачи будущих этапов изучены и прокомментированы. На их основании выявлена проблематика и ее урегулирование с аргументацией данных решений.

ABSTARCT

The article was written on the basis of the study of scientific works and judicial practice, aimed at analyzing and solving the problems of modern criminal law and procedure. The article demonstrates the stages by which our state will develop, the results of the already passed are summarized and future stages are studied and commented on. On it, problems were identified and their settlement with the argumentation of these decisions.

Ключевые слова: уголовное право, уголовный процесс, уголовная политика.

Keywords: criminal law, criminal procedure, criminal policy.

В любой отрасли права существуют и всегда существовали свои проблемы, уголовное и уголовно-процессуальное право не стали исключениями, в зависимости от их решения государство развивается в определенном направлении, поэтому при их устранении нужны профессионалы. Рассмотрим эти проблемы и попытаемся спрогнозировать дальнейшие концепции в развитии уголовной и уголовно-процессуальной политике Российской Федерации.

Для того чтобы начать анализировать проблемы, рассмотрим последние тенденции уголовного права.

4 апреля 2017 года в Совете Федерации состоялись слушания по поводу концепции дальнейшего развития уголовной политики на тему «Уголовная политика: дорожная карта (2017-2025 гг.)»¹. Специалисты предлагают разделить уголовную политику на 3 этапа.

Предложено начать с гуманизации уголовного законодательства и его применения, этот этап длился с 2017 год до 2018 года.

На данном этапе, как следует из его названия, было проведено смягчение наказания для отдельных категорий преступников.

Так, в 2017 г. ст. 76.1 Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением

ущерба дополнили статьями 199.3 и 199.4. Более того в 2018 году были внесены изменения в статью 80 УК РФ, повлекшие замену лишения свободы на более мягкий вид наказания. Кроме того, эти же поправки запретили судам применять принудительные работы в случаях, когда назначенный срок наказания превышает пять лет.

Более того в 2019 г., изменив ст.158, 159, 160 УК РФ, законодатель перевел ряд преступлений, предусмотренных ч.1 ст.158, ч.1 ст.159, ч.1 ст.160 УК в разряд административных правонарушений.

Существуют и другие статьи, которые отразили политику данного этапа, приведенные выше являются наиболее показательными, а значит, позволяют сделать вывод о том, что гуманизация действительно была проведена и продолжается на следующих этапах, хотя и в значительно меньшей степени.

Вторым этапам была названа систематизации уголовно-правового поля. Данный этап начали реализовывать в 2019 году до 2021 году.

Необходимость совершенствовать систему уголовного и уголовно-процессуального законодательства проявилась в первую очередь в том, что в УПК за 2018 год было внесено 19 редакций и в УК столько же, в то время как

¹ Есаков Г.А., Долотов Р.О., Филатова М.А., Редчиц М.А., Степанов В.А., Цай К.А. **Уголовная**

политика: дорожная карта (2017-2025 гг.) // М., 2017. С.16-50.

Гражданский кодекс Российской Федерации редактировался 11 раз, а ГПК – всего 6 раз.

Большое количество редакций говорит о том, что система была нарушена или не корректна. Это подтверждается тем, что в уголовном законе существуют деяния с малой степенью общественной опасности, предлагается перевести их из уголовной сферы в административную или гражданскую. При этом уже сейчас возможна декриминализация ряда статей и перевода их в другую сферу.

Так же это свидетельствует о том, что редакции не меняют ситуацию кардинально с отдельными деяниями и не создают стройной системы борьбы с преступлениями.²

Третьим этапом должна стать «новая пенализация». Под новой пенализацией следует понимать не ужесточение наказаний, а совершенствование альтернативных мер наказания. Этот этап планируется провести с 2022 года до 2025.

Санкция играет важную роль в оценке общественной опасности деяний, пенализация помогает реализовывать цели уголовного закона. Первоначально санкции Особенной части Уголовного кодекса были цельными логическими конструкциями, но из-за многочисленных поправок они стали разбалансированы, более того, суды не корректируют подобные ситуации, не дают знать законодателю о существующей проблеме.

Тенденция корректировки законодательства сама по себе неплохое явление, но из-за большого количества поправок нарушается система в кодексе.

Для реализации данной концепции потребуются сначала обновить систему наказаний, альтернативных мер и процессуальный порядок их применения, для того чтобы максимально облегчить выбор наказания в каждом конкретном случае.

Также необходимо оптимизировать использование наказаний, не влекущих судимость, так как она усложняет процесс интеграции лица в общество.

Параллельно с этими этапами необходимо решать те задачи, которые будут возникать как результат развития общества.

Необходимо будет сконцентрировать свое внимание на следующих проблемах, возникающих в уголовном праве:

во-первых, развитие международных связей по противодействию преступности посредством совершенствования международно-правовой базы, отработки механизмов сотрудничества;

во-вторых, криминализация новых видов преступлений, основанных на новых технологиях, и внедрение современных мер противодействия преступникам;

в-третьих, использование новых технологий для увеличения эффективности борьбы с преступностью и быстрое и качественное разрешение дел, связанных с преступлениями.

Государство пытается урегулировать данные направления, т.к. без этого развитие невозможно, более того, начнется деградация. Проще всего решать проблемы за счет сотрудничества с другими государствами, так как преступность – это глобальная проблема.

Некоторые ученые предлагают принять новый кодекс в уголовно-правовой сфере. Так как Уголовному кодексу уже больше 20 лет, за это время появилось множество новых общественных отношений и преступлений, сопутствующих им. Более того, некоторые статьи со временем теряют свою актуальность, потому что исчезают отношения, которые они регулировали.

Так, например, в 2014-2016 гг. был разработан проект Уголовного кодекса коллективом авторов СГЮА под руководством Н.А. Лопашенко³. Наибольшим изменениям в нем была подвергнута Особенная часть. Общая часть подверглась изменениям тоже хоть и в меньшей степени.

Такое значительное изменение Особенной части, прежде всего, обосновано тем, что в статьях Особенной части существуют противоречия и неточности.

Более того, Особенная часть сильнее устарела из-за изменения общественных отношений и их развития, а также из-за постоянного совершенствования уголовной политики и государства в целом.

Ко всему сказанному добавляется и тот факт, что необходимо ликвидировать пробелы, постоянно проявляющиеся в процессе применения уголовного закона, и существует реальная необходимость систематизировать нормы уголовного права.

Крупным изменениям была подвергнута система наказаний, исключены положения, касающиеся смертной казни, изменены наказания для военнослужащих, система наказаний приведена в порядок «от более мягких к более строгим».

В этом проекте Особенная часть представлена 11 разделами, тогда как действующий кодекс имеет 6 разделов. Хотя это почти в 2 раза больше, чем в действующем Уголовном кодексе, авторы пишут, что исходили из недопустимости криминализации деяний, которых нет в действующем кодексе, а так же оптимизации составов преступления.

Но авторы «Уголовной политики: дорожная карта (2017-2025 гг.)» считают, что принятие нового кодекса слишком рискованно и приводят следующие аргументы:

При разработке текст кодекса будет субъективен, т.к. по большинству вопросов между

² Антипов А. Н. О некоторых проблемах уголовной политики и уголовного законодательства // Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний. 2018. С.25-32.

³ Лопашенко Н.А., Кобзева Е.В, Хутов К.М., Долотов Р.О. Уголовный Кодекс Российской Федерации. Общая часть. Проект. // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 6. С.18.

авторами отсутствует консенсус и каждый будет стремиться отразить только свой взгляд на решение проблем;

При создании такого кодекса будет отсутствовать взвешенная экспертная оценка, то есть будет риск снижения качества уголовно-правовых норм;

Принятие нового кодекса необходимо только в тех случаях, когда существует кризис в общественных отношениях и новый кодекс установит рамки дозволенного именно в таких отношениях, сохранив тем самым уровень развития данного общества.

Как видно из представленного выше проекта уголовного кодекса, базовые аспекты сохранились почти без изменений, что свидетельствует о том, что они все ещё актуальны и нет необходимости менять весь кодекс.

Более того, создание нового кодекса – это ощутимый удар по бюджету страны.

Но все сказанное не означает того, что уголовное право и политика не должна развиваться, необходимо выбрать путь, с помощью которого возможно будет совершенствовать или изменять устаревающие нормы и создавать новые без принятия новых кодексов.

И. Н. Кондрат в своем труде подчеркивает, что в современных условиях необходима ясность и реальность уголовной политики. Он считает, что только при общественном согласии возможно реализовать уголовную политику. Эта идея так же должна быть положена в концепцию уголовной политики.

Необходимо принять во внимание опыт зарубежных стран в формировании уголовной политики России. Все концепции должны соответствовать духу правового государства и демократии. Уголовная политика должна содействовать утверждению судебной власти, сформировать уважение к следственным органам и органам по контролю и надзору в уголовной сфере. Также необходимо продолжать придерживаться общечеловеческих ценностей⁴.

В своем выступлении 1 марта 2018 года Владимир Владимирович Путин сказал: «Уголовный кодекс должен перестать быть инструментом решения хозяйственных конфликтов между юридическими лицами. Такие споры нужно переводить в административную и арбитражную плоскость.

Прошу рабочую группу по мониторингу и анализу правоприменительной практики в сфере предпринимательства с участием Верховного Суда, правоохранительных органов, прокуратуры, представителей делового сообщества подготовить

на этот счёт конкретные предложения... Их обязательно нужно рассмотреть, вынести для решения и решить. Сделать это нужно как можно быстрее.

При этом, напротив, нормы уголовного права должны жёстко действовать в отношении преступлений против интересов граждан, общества, экономических свобод».⁵

Теперь необходимо рассмотреть уголовно – процессуальную сферу.

Уголовно-процессуальное право является довольно широким полем для экспериментов в последнее время.

На современном этапе общественного развития совершенствование уголовно-процессуального законодательства должно осуществляться в контексте общих тенденций уголовно-процессуальной политики.

Во-первых, развитие уголовно-процессуального права должно осуществляться на основе общепризнанных принципов и норм;

Во-вторых, поддержание относительного баланса частных и публичных интересов в уголовно-процессуальной сфере;

В-третьих, сохранение контроля, который не позволяют исказить смысл и идеи уголовно-процессуального законодательства

Вместе с тем, в уголовно-процессуальной политике существуют проблемы и недостатки:

Первое, неопределенность в направлении дальнейшего развития из-за того, что законодатель не четко определил модель уголовного процесса;

Второе, частые эксперименты в области уголовно-процессуального законодательства. Это было названо рядом авторов шараханьем из стороны в сторону⁶.

Более того, когда законодатель решает проблему, появляются новые, вытекающие из того способа, которым она была решена⁷.

Третье, недостаточное использование технических средств и необходимость подкреплять их бумажным документом. Что приводит к излишней формализации процесса доказывания, излишней загруженности органов, участвующих в уголовном процессе.

Четвертое, смешанный тип уголовного процесса. Само по себе это не является проблемой, но то, как состязательность закреплена в законодательстве, создает путаницу и неверное понимание закона. Принцип состязательности закреплён в разделе с общими принципами, хотя на досудебной стадии он проявляется слишком слабо. Поэтому логичнее перенести его в раздел,

⁴ Кондрат И.Н. Концепция уголовной политики и совершенствование уголовного и уголовно-процессуального законодательства // Москва 2013. С.105

⁵ Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию от 1.03.2018 // Москва, Кремль 2018.

⁶ Емелькина Н.Л. Нестабильность законодательства как актуальная проблема уголовно-процессуального права // Москва 2017. С. 36.

⁷ Ищенко П.П., Ищенко Е.П. Ключевые проблемы уголовного судопроизводства // Lex Russica. 2016. №9 (118).

посвященный судебному процессу, так как наиболее полно состязательность реализована там.⁸

Предлагаются следующие способы решения проблем:

Для определения пути развития необходимо заимствовать опыт стран, которые наиболее близки к нам по правовой системе. Это позволит определить наиболее успешные законодательные инициативы и способы их реализации в других странах, и в дальнейшем этот опыт можно будет перенять.

Так же в нашей стране существует собственный исторический опыт, его следует использовать. Существует ряд норм, которые были убраны из кодекса, а затем пересмотрены и вновь возвращены и успешно функционируют. Например, конфискация имущества.

Кроме того, уровень развития технологий уже достаточно высок и должен максимально оптимизировать весь уголовный процесс, положительно сказываясь на научной деятельности, так как скорость передачи и распространения информации достигла колоссальных высот. Уже существует аудио- и видеоконтроль за всеми судебными делами, необходимо снизить требования, предъявляемые к оформлению документов, разрешить более простые способы фиксации (аудио/видео, цифровые и прочие современные способы фиксации информации без бумажных носителей);

Более того ученые обозначают основные проблемы и их решения, но законодатель предпочитает обращаться к органам власти, которые работают в этой сфере. Например, Верховный суд РФ, Следственный комитет РФ, Генеральную прокуратуру Российская Федерация и другие.

Законодатель редко прислушивается к ученым, которые работают над определенной проблемой и знают свою узкую область исследования достаточно хорошо. Законодатель предпочитает идти методом проб и ошибок, а не исследованиями и обоснованными предложениями. Это подтверждается тем что ряд статей, которые вступали в силу уже с изменениями.

Необходимо не просто собирать конференции ученых, но и доносить до законодателей идеи, которые будут помогать в повышении качества норм права. Возможно, необходимо создать при законодательном органе постоянно обновляющуюся группу ученых, которые смогут проявлять инициативу в принятии актов, которые будут заполнять пробелы в законодательстве и обосновывать принятие того или иного акта.

Итак, уголовно-процессуальное право должна развиваться в следующих направлениях:

Первое направление – определенно важнейшим направлением науки будет развитие отрасли уголовно-процессуального права, упрощение и повышение эффективности уголовного процесса;

Второе направление – модернизация средств и методов в написании научных трудов;

Третье направление – пересмотр теории доказательств и процесса доказывания с учетом современных технологий.

Четвертое направление – дополнение процессуальных гарантий всех участников уголовного судопроизводства.

Пятое направление – расширение списка категорий преступлений по которым производство возможно будет осуществлять в частном и частно-публичном порядке;

Шестое направление – развитие альтернативных мер пресечения;

Седьмое направление – развитие института восстановления нарушенных прав;

Восьмое направление – ребалансировка уголовных прав и обязанностей лиц, участвующих в процессе;

Девятое направление – совершенствование механизмов оказания квалифицированной юридической помощи участникам процесса.⁹

В целом политика государства в ближайшие годы, согласно плану, должна характеризоваться гуманизацией, систематизацией и пенализацией уголовного права.

Решение всех проблем позволит нашему государству подняться на новый уровень, уровень высокоразвитого, правового, безопасного государства. Уголовная политика помогает государству выстроить стратегию и тактику для разрешения проблем и выйти на этот уровень.

Список литературы

1) Есаков Г.А., Долотов Р.О., Филатова М.А., Редчиц М.А., Степанов В.А., Цай К.А. Уголовная политика: дорожная карта (2017-2025 гг.) // Москва 2017. С.16-50

2) Антипов А. Н. О некоторых проблемах уголовной политики и уголовного законодательства // Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний. 2018. С.25-32.

3) Емелькина Н.Л. Нестабильность законодательства как актуальная проблема уголовно-процессуального права // Москва 2017. С. 36.

4) Лопашенко Н.А., Кобзева Е.В, Хутов К.М., Долотов Р.О. Уголовный Кодекс Российской Федерации. Общая часть. Проект. // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 6. С. 18.

⁸ Федулов Андрей Владимирович Актуальные проблемы уголовного преследования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. №4 (32).

⁹ Зайцев О.А. Основные направления совершенствования российского уголовно-процессуального законодательства // Вестник Московского университета МВД России. 2016. №4.

5) Кондрат И.Н. Концепция уголовной политики и совершенствование уголовного и уголовно-процессуального законодательства // Москва 2013. С. 105

6) Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию от 1.03.2018 // Москва, Кремль 2018.

7) Якимович Ю.К. Насущные проблемы науки уголовного процесса // Вестник Томского государственного университета, 2012. С. 155.

8) Ищенко П.П., Ищенко Е.П. Ключевые проблемы уголовного судопроизводства // Lex Russica. 2016. №9 (118).

9) Горожанкина Д.В., Марков А.А. К вопросу о технико-юридических и практических аспектах формирования и развития уголовно-процессуального законодательства в политике и практике юридической деятельности российского государства // Вопросы управления. 2015. №3 (15).

10) Зайцев О.А. Основные направления совершенствования российского уголовно-процессуального законодательства // Вестник Московского университета МВД России. 2016. №4.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАСЛЕДСТВЕННОГО ФОНДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Голованов Н. М.

*кандидат юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
Государственного института экономики, финансов, права и технологий
(г. Гатчина Ленинградской области)*

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE INHERITANCE FUND IN THE RUSSIAN FEDERATION

Golovanov N. M.

*candidate of legal Sciences, Professor,
Professor of the Department of civil law disciplines of the State Institute
of Economics, Finance, law and technology
(Gatchina, Leningrad region)*

АННОТАЦИЯ

Рассматривается правовое регулирование наследственного фонда, проблемы и неточности, допущенные законодателем, и возможные пути их устранения.

ABSTRACT

Legal regulation of the inheritance Fund, problems and inaccuracies made by the legislator and possible ways to eliminate them are considered.

Ключевые слова: завещание, наследственный фонд, наследственное имущество, наследодатель, выгодоприобретатель, нотариус.

Key words: bequest, inheritance Fund, the estate of the deceased, the beneficiary, the notary.

Правовое регулирование наследственного фонда в России определяется ст. 123.17 – 123.20 ГК РФ с особенностями, предусмотренными ст. 123.20-1 – 123.20-3 ГК РФ.

В соответствии с указанными статьями Гражданского кодекса наследственный фонд является унитарной некоммерческой организацией (п. 1 ст. 123.17 ГК РФ). Учреждение фонда происходит во исполнение завещания наследодателя и на основе его имущества, а значит такое решение принимается еще при жизни наследодателя (п. 1 ст. 123.20-1 ГК РФ). Завещание в обязательном порядке должно включать решение о создании наследственного фонда, устав фонда, а также условия управления фондом.

Деятельность фонда может быть предусмотрена как на бессрочной основе, так и на определенный срок. Завещание подлежит нотариальному удостоверению (п. 2 ст. 123-20.1 ГК РФ). Закрытым оно быть не может (п. 5 ст. 1126 ГК РФ).

Создает фонд и регистрирует его в территориальных органах Федеральной налоговой службы нотариус. Соответствующее заявление направляется в регистрирующий орган в течение трех рабочих дней после открытия наследственного дела. Этот срок может быть продлен нотариусом до одного года при наличии к тому заслуживающих внимания обстоятельств (абз. 4 п. 2 ст. 123.20-1 ГК РФ).

После регистрации фонд становится полноправным наследником. Все завещанное ему имущество становится его собственностью. Никаких долей из этого имущества другим наследникам не выделяется, они могут рассчитывать только на получение доходов от функционирования фонда, согласно завещанию.

Для управления фондом нотариусом формируются его органы из числа лиц, заранее названных наследодателем, или в соответствии с порядком их выбора из определенного круга лиц, установленных им (п. 3 ст. 123.20-1 ГК РФ).

Управляет фондом единоличный исполнительный орган. В случаях, предусмотренных уставом, в нем создаются коллегиальный исполнительный орган, высший коллегиальный орган и попечительский совет.

Выгодоприобретатели фонда не могут выступать в качестве единоличного исполнительного органа или членов коллегиального исполнительного органа (п. 1 ст. 123.20-2 ГК РФ). Влиять на управление фонда они могут через высший коллегиальный орган управления, в состав которого им входить разрешается, но при условии, что на то имеется соответствующее указание наследодателя и согласие самих выгодоприобретателей. Если такого согласия нет и невозможно сформировать органы фонда, согласно решению наследодателя, фонд создан быть не может (п. 2 и п. 3 ст. 123.20-2 ГК РФ)

Требований к управленцам фонда закон не предъявляет. Порядок изменения состава органов управления фонда должен быть определен в его уставе и может быть изменен только в судебном порядке (п. 4 ст. 123.20-2 ГК РФ).

Фонду разрешается заниматься деятельностью приносящей прибыль (абз. 5 п. 1 ст. 123.19 ГК РФ).

Приведенные законоположения вызывают многочисленные вопросы как теоретического, так и практического плана. В частности, не все ясно с целями наследственного фонда. Согласно п. 1 ст. 123.17 ГК РФ, фонды должны преследовать благотворительные, культурные, образовательные или иные социальные, общественно полезные цели, но наследственный фонд может быть создан и в частных интересах, для материального обеспечения наследников, о чем свидетельствует абз. 1 п. 4 ст. 123.20-1 ГК РФ, предусматривающий возможность передачи имущества фонда конкретным выгодоприобретателям.

Вызывает возражение признание наследственных фондов некоммерческими организациями. Доводы к этому следующие: извлечение доходов от использования имущества наследодателя, его приумножение в пользу выгодоприобретателей является для наследственного фонда основным видом деятельности, поскольку абз. 1 п. 3 ст. 123.20-1 ГК РФ прямо запрещает безвозмездную передачу ему имущества любыми иными лицами, кроме наследодателя [1].

Непонятна природа прав выгодоприобретателей наследственного фонда: являются ли они имущественными или личными неимущественными. На первое указывает право на получение доходов от деятельности фонда, на второе – неотчуждаемость прав, к которым, в частности, относятся права на получение информации о деятельности фонда, на проведение ее аудита, на вхождение в высший коллегиальный орган управления фонда.

Остается загадкой, почему имущественные права нельзя наследовать (абз. 1 п. 3 ст. 123.20-3 ГК

РФ) при том, что выгодоприобретатели назначаются наследодателем [2].

Закон указывает на невозможность обращения взыскания на права выгодоприобретателя наследственного фонда по его обязательствам (п. 1 ст. 123.20-3 ГК РФ), фонд в свою очередь не отвечает по обязательствам своего учредителя (п. 1 ст. 123.18 ГК РФ). Но если права кредиторов выгодоприобретателя наследственного фонда можно удовлетворить за счет лично принадлежащего ему имущества, то, как обеспечить права кредиторов умершего, коль скоро все его имущество передано фонду? Представляется, что в законе необходимо предусмотреть норму о регулярных выплатах наследственным фондом кредиторам наследодателя, причитающихся им сумм.

Необходимо обратить внимание на следующую коллизию, связанную с ответственностью наследственного фонда по своим обязательствам. Дело в том, что фонд также, как и другие лица, указанные в завещании, является наследником. На это указывает выдаваемое фонду нотариусом свидетельство о праве на наследство (абз. 2 п. 3 ст. 123.20-1 ГК РФ). Будучи таковым, он одновременно является и выгодоприобретателем, заинтересованным в увеличении доходов фонда от использования принадлежащего ему наследственного имущества, поскольку за счет этих доходов выплачивается вознаграждение членам органов управления фонда (п. 5 ст. 123.20-2 ГК РФ), покрываются другие расходы по управлению фондом (приобретение или аренда помещения под офис, транспортное обслуживание управленцев, приобретение оргтехники и др.). Наследственный фонд заключает различного рода сделки в интересах достижения предписанных ему целей деятельности. В случае неисполнения или ненадлежащего исполнения условий таких сделок он должен нести соответствующую имущественную ответственность, но выгодоприобретатель нести ее не может в силу запрета, установленного п. 1 ст. 123.20-3 ГК РФ. Нарушение этого правила влечет ничтожность соответствующих сделок. Данную коллизию законодателю следует устранить специальным указанием на то, что наследственный фонд, несмотря на то, что является выгодоприобретателем от использования наследственного имущества, тем не менее, несет полную ответственность этим имуществом по своим обязательствам.

Наиболее спорной является норма абз. 1 п. 2 ст. 123.20-1 ГК РФ, согласно которой наследственный фонд может быть создан только после смерти наследодателя. Последний, таким образом, лишен возможности проверить на практике успешность функционирования фонда, результаты пополнения им имущества в процессе осуществления своей деятельности (абз. 1 п. 3 ст. 123.20-1 ГК РФ). Соответственно наследодатель не может внести необходимые коррективы в персональный состав органов управления. Сделать это после его смерти

нотариусом весьма проблематично, поскольку для изменения учредительных документов фонда необходимо только соответствующее решение суда, базирующееся на доказательствах, что управлять фондом на прежних условиях не представляется возможным вследствие обстоятельств, которые при создании фонда нельзя было учесть (п. 5 ст. 123.20-1 ГК РФ). Нет гарантий и того, что эффективность работы фонда возрастет после положительного решения суда. Вполне вероятно, что придется вновь обращаться в суд за корректировкой учредительных документов. Все это в итоге может закончиться ликвидацией фонда по причине невозможности достижения целей, ради которых он был создан (подпункт 2 п. 2 ст. 123.20 ГК РФ). Избежать такого развития событий можно было бы путем заимствования опыта законодательного регулирования наследственных фондов стран, где успешно апробировано их создание при жизни наследодателей (Германия, Франция, Швейцария, Испания, Австрия, Финляндия, Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Лихтенштейн, Люксембург и др.).

Помимо вопросов управления фондом, на его перспективах отрицательно может сказаться отсутствие механизма выделения из наследственного имущества, передаваемого фонду и становящегося в силу этого его собственностью, супружеской доли (ст. 123.18 ГК РФ). В этой части нормы Гражданского кодекса совершенно не учитывают положений Семейного кодекса РФ (СК РФ), которые прямо указывают, что все имущество, нажитое супругами в браке, считается их совместной собственностью и что доли супругов считаются равными. Лишить супруга его законной доли в общей собственности невозможно, если только иное не предусмотрено брачным договором или соглашением, в котором содержится указание на раздел имущества (ст. 34 и 39 СК РФ).

Переживший супруг для получения своей части имущества, переданного фонду, вправе обратиться в суд для признания решения об учреждении фонда недействительным. Как будет решено дело при наличии такой коллизии в действующем законодательстве, можно только предполагать. Одно ясно, нормально функционировать в такой ситуации фонд не сможет. Его контрагенты будут учитывать возможность удовлетворения иска и то, что до окончания судебного разбирательства деятельность фонда может быть парализована на длительное время применением судом таких мер обеспечения иска, как наложение ареста на имущество фонда или запрещение совершать с ним определенные действия (ст. 139 и 140 Гражданского процессуального кодекса РФ).

Закон не предусматривает создание наследственного фонда на основании совместного завещания супругов, хотя для них указанный вариант мог бы быть более удобным, например, в отношении общих детей. Допущение такой возможности при исключении изменения совместного завещания пережившим супругом

отвечало бы принципу свободы завещания и стабильности функционирования фонда. Соответствующий опыт накоплен в Европе и его можно было бы использовать.

Ситуация, аналогичная изложенной выше, может сложиться и при предъявлении требования о выделении обязательной доли в наследстве, на которую могут претендовать несовершеннолетние или нетрудоспособные дети наследодателя, его нетрудоспособный супруг и родители, а также нетрудоспособные иждивенцы наследодателя, указанные в п. 1 и п. 2 ст. 1148 ГК РФ, и которая должна составлять не менее половины той доли, которая причиталась бы каждому из них при наследовании по закону (п. 1 ст. 1149 ГК РФ).

Для исключения претензий со стороны пережившего супруга и нетрудоспособных иждивенцев и тем самым предотвращения дробления имущества наследственного фонда наследодателю целесообразно до решения вопроса о его создании разделить имущество с помощью брачного договора и определиться с наследственной массой, передаваемой в фонд, с учетом необходимости выделения обязательной доли.

Не до конца прояснены в законе полномочия нотариуса при возникновении проблемных вопросов, связанных с созданием наследственного фонда. Так, совершенно непонятно, как действовать нотариусу в случае, если лица, назначенные в члены органов управления наследственного фонда, откажутся в них войти? Закон обходит данный вопрос молчанием. Создавать фонд в такой ситуации нотариус не вправе, поскольку в учредительных документах должны быть указаны сведения о персональном составе органов фонда (п. 2 ст. 123.17 ГК РФ). Вносить в них изменения вправе только наследодатель, которого уже нет в живых. После его смерти инициировать данный вопрос могут только органы фонда, если управление фондом невозможно на прежних условиях (п. 5 ст. 123.20-1 ГК РФ). Но, поскольку фонд не создан, то и органов таких нет.

При сохранении неизменной нормы о создании наследственного фонда только после смерти наследодателя, проблему можно было бы решить предоставлением нотариусу право на обращение в суд с ходатайством о корректировке устава фонда, при условии, что он подберет кандидатов с необходимой квалификацией и опытом работы, которые бы согласились управлять фондом. При этом необходимо учитывать фактор времени. На решение всех вопросов, возникающих при создании фонда, законом отводится ровно год со дня открытия наследства, по истечении которого в регистрации фонда будет отказано (абз. 4 п. 2 ст. 123.20-1 ГК РФ).

При создании наследственного фонда может возникнуть и такая ситуация, когда положения устава, разработанного наследодателем, будут противоречить требованиям закона. Это может иметь место, например, в случае недосмотра

нотариуса при удостоверении завещания (назначение в качестве единоличного исполнительного органа или члена коллегиального исполнительного органа выгодоприобретателя; определение в качестве выгодоприобретателя коммерческой организации, что запрещено соответственно п. 1 ст. 123.20-2 и п. 2 ст. 123.20-3 ГК РФ), а также вследствие отсутствия у нотариуса достаточных знаний в сфере регулирования деятельности некоммерческих организаций, создаваемых для достижения целей, указанных в уставе фонда.

Обнаружившиеся несоответствия приведут к тому, что в регистрации фонда будет отказано. Нотариус не сможет образовать наследственный фонд, поскольку механизмов преодоления возникшей коллизии законом не предусмотрено. В литературе в связи с этим было высказано предложение о подключении к консультированию наследодателя на этапе составления завещания представителей органов Министерства юстиции РФ на местах [3]. Думается, что кардинально решить проблему таким образом не удастся, во-первых, наследодатель может и не воспользоваться предоставленным ему правом на получение консультации, а, во-вторых, могут возникнуть осложнения, касающиеся сохранения в тайне отдельных положений завещания. Как представляется, в данном случае можно было бы действовать таким же образом, как и применительно к отказу лиц, указанных в завещании, войти в состав органов управления фонда. Нотариусу целесообразно предоставить право обращения в суд для корректировки положений устава, противоречащих закону, без ущерба общему смыслу завещания.

Обращает на себя внимание, что при наделении нотариуса значительными полномочиями по созданию наследственного фонда закон не предусматривает механизма контроля за его действиями, кроме как предоставление права выгодоприобретателям оспорить его действия в судебном порядке (абз. 5 п. 2 ст. 123.20-1 ГК РФ). Это возможно лишь при выявлении злоупотреблений со стороны нотариуса, связанных с нарушением распоряжений наследодателя, но как выявить эти злоупотребления, неясно.

Следует заметить, что закон, устанавливая в абз. 4 п. 2 ст. 120.20-1 ГК РФ срок (3 дня со дня открытия наследственного дела) для подачи заявления о государственной регистрации наследственного фонда и обязывая лично нотариуса заниматься вопросами его создания, не учитывает его большую загруженность текущей работой. Как представляется, решение всех этих вопросов мог бы взять на себя исполнитель завещания, назначенный наследодателем, с согласия соответствующего лица, которому наследодатель доверяет. Контролировать действия исполнителя завещания можно было бы вменить в обязанность нотариусу, а после создания наследственного фонда - самому фонду, тем более,

что п. 2 ст. 1134 ГК РФ предусматривает возможность предъявления в суд требования последнего об освобождении исполнителя завещания от его обязанностей при ненадлежащем их исполнении или при угрозе нарушения охраняемых законом интересов наследников.

Весьма важными являются налоговые аспекты, касающиеся наследственного фонда. Налоговый кодекс РФ (НК РФ) приравнивает режим налогообложения наследственного фонда к режиму некоммерческих организаций. При этом не учитывается, что целью создания наследственного фонда может являться сохранение и преумножение имущества в пользу выгодоприобретателей-частных лиц, а это предполагает введение специального режима налогообложения такого наследственного фонда, а также доходов выгодоприобретателей от деятельности фонда, что в настоящее время НК РФ не предусмотрено. Это же предполагает и определение в законе минимального размера уставного фонда данного юридического лица.

Требуется также на законодательном уровне уточнить, обязан ли нотариус согласовывать с Федеральной антимонопольной службой передачу наследственному фонду имущества, когда к тому имеются основания, например, при передаче пакетов акций, стоимость которых превышает размер, установленный ст. 28 Федерального закона от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции»; передаче пакетов акций стратегических предприятий, когда среди выгодоприобретателей фонда имеются лица, не являющиеся российскими резидентами, что следует из содержания ст. 7 Федерального закона от 24 апреля 2008 года № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обороны страны и безопасности государства»? Важно также знать, каковы последствия при неполучении согласия на передачу наследственному фонду соответствующего имущества?

Подводя итог сказанному, отметим следующее. Несмотря на ряд неурегулированных вопросов, касающихся наследственных фондов, сам факт появления такого юридического института является шагом вперед в развитии наследственного права. Он позволяет сохранить частное имущество, предотвратить его дробление, вывод активов за рубеж и тем самым продолжить их рациональное использование в России последующими поколениями наследодателя не только в их личных интересах, но и в интересах развития экономики страны, достижения общепользованных целей.

Литература

1. Аюпова Г.Ф. Наследственный фонд в России: проблемы и перспективы.

<https://moluch.ru/archive/263/60914/> (Дата обращения: 9 января 2020 года).

2. Зеновина В. Наследственные фонды: первые вопросы о не вступивших в силу нормах ГК РФ. <https://www.garant.ru/news/1188567/> (Дата обращения: 10 января 2020 года).

3. Калинина М. А., Санжарова Е. Ю. Наследственные фонды в РФ: проблемы становления правового института. <https://sibac.info/journal/student/44/126402> (Дата обращения: 15 января 2020 года).

УДК 343.211
ГРНТИ 10.77.01

К ВОПРОСУ О ТОЛКОВАНИИ ПОНЯТИЯ И ОСНОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В НАУКЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Дудоров Тимофей Дмитриевич
доцент кафедры уголовно-процессуального права, к.ю.н., доцент,
Российский государственный университет правосудия
Центральный филиал, Россия, г. Воронеж
Посохов Станислав Эдуардович
магистрант
Российский государственный университет правосудия,
Центральный филиал, Россия, г. Воронеж

ON THE QUESTION OF THE INTERPRETATION OF THE CONCEPT AND THE BASIS OF CRIMINAL RESPONSIBILITY IN THE SCIENCE OF CRIMINAL LAW

Dudorov Timofey D.
Associate Professor of criminal law and procedure
the Russian State University of Justice (Central Branch),
Russia, Voronezh,
PhD. In law, docent;
Posokhov Stanislav E.
master student
the Russian State University of Justice (Central Branch),
Russia, Voronezh

АННОТАЦИЯ

Категории «уголовная ответственность» и «основание уголовной ответственности» являются основополагающими для доктрины уголовного права, однако до настоящего времени, несмотря на наличие законодательной трактовки, взгляды специалистов по обозначенной проблеме существенно разнятся. Авторами статьи предпринята попытка обобщить библиографию вопроса, выделив детерминирующие признаки уголовной ответственности, и на основе системного анализа норм Общей части УК РФ и положений ст. 8 УК РФ выявить технико-юридические неточности в легальном определении ее основания, предложив собственное видение проблемы.

ABSTRACT

The categories of "criminal responsibility" and "foundation of criminal responsibility" are fundamental to the doctrine of criminal law, but so far, despite the existence of a legislative interpretation, the views of experts on the problem is very different. The author of the article made an attempt to summarize the bibliography of the issue, highlighting the deterministic signs of criminal responsibility, and on the basis of a systematic analysis of the norms of the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation and the provisions of art. 8 Criminal Code of the Russian Federation to reveal technical and legal inaccuracies in the legal definition of its basis, offering its own vision of the problem.

Ключевые слова: уголовная ответственность; основание уголовной ответственности; дифференциация; состав преступления; преступление; общественная опасность.

Keywords: criminal responsibility; the basis of criminal responsibility; differentiation; the composition of the crime; crime; public danger.

Вопрос о содержании термина «уголовная ответственность», несмотря на то, что названное понятие является базовым для теории и практики уголовного права, до настоящего времени относится к числу активно обсуждаемых. Подавляющее большинство авторов учебной литературы исходит из тезиса о том, что общетеоретическое толкование ответственности

как обязанности лица претерпеть неблагоприятные последствия противоправного деяния должно применяться к уголовно-правовым отношениям с учетом детерминации содеянного как преступления, наказуемого в соответствии с нормами уголовного закона [1, с. 64]. Подобный подход вызывает возражения на том основании, что уголовная ответственность в данном случае

рассматривается не как фактическое наказание за преступное поведение, а лишь обязанность его претерпеть, что, по справедливому замечанию С.Н. Братуся, не соответствует механизму действия государственного аппарата принуждения, который приводится в действие при фактическом неисполнении обязанности, т.е. тогда, когда собственно и наступает ответственность [2, с. 103].

Несколько иную смысловую нагрузку имеет акцент не на соответствующей обязанности виновного лица, а на мерах уголовно-правового воздействия, применяемых к нему [3, с. 97]. При таком подходе уголовная ответственность отождествляется с наказанием и рассматривается как применение санкции, что возвращает нас к классическому периоду развития науки уголовного права, когда еще не получил должной детализации институт освобождения от уголовной ответственности и наказания, а также не проводилось разграничения между уголовным наказанием и мерами уголовно-правового характера [4]. Нельзя отрицать, что наказание является центральным элементом уголовной ответственности, но не единственным, поскольку в ее содержание входит и факт порицания государством и обществом преступного поведения, выраженный в обвинительном приговоре, а также судимость, влекущая для осужденного комплекс неблагоприятных правовых последствий. Кроме того, компонентом уголовной ответственности в настоящее время считают и принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые в отношении несовершеннолетних вместо наказания и преследующие аналогичные ему цели [5, с. 22], а также часть специалистов причисляет к уголовной ответственности принудительные меры медицинского характера, указывая, что они в числе прочего имеют цель предупреждения преступного поведения лица [6, с. 104]. Представляется возможным не согласиться с последним утверждением ввиду специфики как содержания принудительных медицинских мер, так и круга субъектов, к которым они могут быть применены исключительно по медицинским показаниям, в этой связи думается, что основная функция названных мер – не карательная, а лечебная, что не предполагает возложения ответственности в принципе, поскольку лицо по состоянию здоровья не способно понимать ее социального значения.

Более широкое толкование предлагают те специалисты, которые включают в понятие «уголовная ответственность» соответствующее общественное отношение в целом, указывая, что оно возникает между лицом и государством по поводу совершения преступления и регламентируется нормами уголовного права [7, с. 76-78]. Считается аксиоматичным утверждение о том, что уголовное правоотношение возникает с момента совершения преступления, а уголовная ответственность как фактическое претерпевание виновным негативных последствий своего поведения – с момента вступления в законную силу обвинительного приговора суда, что позволяет

выдвинуть тезис о том, что исследуемые категории соотносятся как целое (уголовное правоотношение) и часть (уголовная ответственность).

Достаточно востребованным в советской науке уголовного права был двойственный подход к пониманию содержания уголовной ответственности, который заключался в придании ей негативно-позитивного характера. Первый из двух аспектов предполагает, что к лицу применяются негативные право ограничивающие меры уголовно-правового характера, которые он обязан претерпеть; второй – что предусмотренные законом меры уголовной ответственности являются основой правомерного поведения, т.к. предполагают осознание лицом обязанности воздерживаться от уголовно-наказуемого поведения [8, с. 12-29]. Перспективный подход к пониманию уголовной ответственности нельзя назвать традиционным, поскольку, как справедливо указывал Ю.М. Ткачевский, он нивелирует смысловую нагрузку словосочетания «дать ответ», т.е. «отвечать только за прошлое, за уже содеянное, что и детерминирует уголовную ответственность именно как ретроспективную и ограниченную кругом лиц, виновных в преступлении» [9, с. 8]. Думается, что включение в содержание уголовной ответственности позитивного компонента подменяет иное понятие – стимулирующую положительное поведение функцию уголовного закона.

Если же говорить о негативном аспекте понятия «уголовная ответственность», то, на наш взгляд, именно он в полной мере отражает ее сущность, поскольку интегрирует несколько определяющих признаков:

- исключительность основания наступления ответственности – совершение преступления, что не позволяет причислять к таковым сходные по признакам деяния, не являющиеся преступными в силу своей общественной значимости и прямо названные в УК РФ (например, необходимая оборона (ст. 37 УК РФ), крайняя необходимость (ст. 39 УК РФ), обоснованный риск (ст. 41 УК РФ) и т.д.);

- взаимосвязь уголовной ответственности и государственного принуждения, реализуемого специально уполномоченными органами публичной власти;

- правоограничения, которые обязано претерпеть лицо, признанное виновным в совершении преступления. Названные ограничения являются объективным свойством уголовной ответственности и могут иметь как имущественный (например, ограничение права собственности), так и неимущественный (например, ограничение права на свободу и личную неприкосновенность) характер;

- отсутствие тождества между уголовной ответственностью и наказанием, что определяется содержательным объемом ответственности, которая всегда предшествует назначению наказания, но может применяться и без такового (например, ст. 92 УК РФ);

- наличие пределов реализации, в качестве которых выступают моменты начала и окончания уголовной ответственности – вынесение судом обвинительного приговора и отбытие осужденным назначенного наказания соответственно. В тех случаях, когда наказание не исполняется, уголовная ответственность завершается истечением сроков сохранения обязанности осужденного отбыть наказание, либо, если приговор вынесен без назначения наказания – уголовная ответственность исчерпывается его постановлением.

Вопрос об основании и пределах реализации уголовной ответственности тесно связан с проблемой ее дифференциации, поскольку совершение различных по тяжести преступных деяний определяет применяемый уровень уголовной репрессии, а также неодинаковый временной промежуток ее прекращения. В этой связи особую остроту имеет проблема унификации основания уголовной ответственности, которое, как уже было отмечено, обладает признаком исключительности. Обращаясь к тексту уголовного закона, можно сделать вывод, что вопрос об основании уголовной ответственности решен однозначно – это совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления (ст. 8 УК РФ), однако наличие множества доктринальных толкований приведенного положения не позволяет сделать столь оптимистичный вывод. Так, основание уголовной ответственности определяется как процесс, т.е. совершение деяния, само деяние или его абстрактная форма, состав преступления, деяние, содержащее признаки состава преступления [10, с. 97]. Следуя логике научной добросовестности, полагаем, что, анализируя положения ст. 8 УК РФ, необходимо исходить из критериев детерминации основания уголовной ответственности, аргументированно приведенных Е.В. Благовым: соблюдение принципа равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ), достаточность для обоснования правоограничительных мер применяемых к конкретному лицу, подлежащему уголовной ответственности [10, с. 98]. Буквальное толкование текста ст. 8 УК РФ действительно приводит к выводу о том, что основание ответственности имеет длящийся характер, поскольку совершение деяния – это процесс, однако он в силу незавершенности может и не содержать всех признаков состава преступления, т.е. возникает очевидное противоречие между двумя легально сформулированными элементами основания. Думается, что речь должна идти о свершившемся факте, т.е. о совершенном деянии, в том числе, прерванном по независимым от виновного причинам на стадии приготовления или покушения. Данный тезис подтверждается доктринально, поскольку уголовное право оперирует понятием «окончание преступления», считая таковым как оконченное, так и неоконченное деяние. Приведем еще один аргумент в пользу обоснования существующего

противоречия – ч. 1 ст. 14 УК РФ, давая легальное толкование понятия «преступление», определяет его именно как «виновно совершенное деяние...», что предполагает ограниченность во времени и завершенность. Здесь же обозначается и еще одно противоречие, имеющееся в определении свойства исключительности основания уголовной ответственности, о котором мы упоминали выше. Так, формально признаки состава преступления содержатся в деяниях, которые в силу малозначительности, т.е. небольшой общественной опасности к преступлениям не относятся (ч. 2 ст. 14 УК РФ). В тоже время ст. 8 УК РФ такого отграничения не проводит, следовательно, логично предположить, что совершение малозначительного деяния также является основанием уголовной ответственности. Еще одним вопросом, тесно связанным с проблемой дифференциации уголовной ответственности, является указание в ст. 8 УК РФ на признаки состава преступления, которые варьируются по различным критериям: конструктивные, квалифицирующие, единичные и альтернативные. Думается, что при определении основания уголовной ответственности речь должна идти о криминообразующих, т.е. конструктивных признаках, позволяющих идентифицировать основной состав преступления. Так, именно наличие конструктивных признаков позволяет установить общественную опасность того или иного деяния с точки зрения его отнесения к числу запрещенных уголовным законом, а иные признаки, несмотря на их значимость – вторичны, что следует как из их технико-юридического оформления (это, как правило, вторые и последующие части статей Особенной части УК РФ), так и из формулировок, наиболее востребованных в таких ситуациях законодателем – «то же деяние, совершенное ...». Исключение, по справедливому замечанию А.В. Иванчина, имеют альтернативные признаки состава преступления, когда в него входят они все, но для констатации наличия основания уголовной ответственности достаточно лишь одного, что исключает толкование наличия их совокупности как обязательного условия реализации положений ст. 8 УК РФ [11, с. 80]. Изложенное в полной мере, на наш взгляд, относимо к утверждению о том, что основанием уголовной ответственности является наличие в деянии виновного состава преступления. По тем же соображениям, можно констатировать, что значение имеет лишь наличие основного состава, в то время как квалифицированные и привилегированные служат основанием для дифференциации уголовной ответственности.

Думается, что в качестве определяющих наличие или отсутствия основания уголовной ответственности признаков, помимо общественной опасности, должны выступать и признаки преступления, прямо обозначенные в ч. 1 ст. 14 УК РФ – виновность и запрещенность уголовным законом, при этом четко прослеживается их логическая взаимосвязь с составом преступления [10, с. 101]. Так, в императивном порядке

запрещается привлекать к уголовной ответственности за невиновное причинение вреда (ч. 2 ст. 5 УК РФ), а вина, в свою очередь относится к типичным признакам составов преступлений (ст. 24 УК РФ). Запрет того или иного деяния уголовным законом очевиден, поскольку Особенная часть УК РФ содержит исчерпывающий перечень преступлений.

В этой связи представляется аргументированным неоднократно высказываемое в специальной литературе предложение о корректировке основания уголовной ответственности, предусмотренного ст. 8 УК РФ, путем его соотнесения с понятием «преступление», содержащимся в ч. 1 ст. 14 УК РФ, что требует указания на общественную опасность совершенного деяния и наличие в нем состава преступления, который относится к числу основных.

Список литературы

1. Уголовное право. Общая часть: Учебник / под. ред. А.И. Чучаева. М.: Проспект, 2017. 464с.
2. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М.: Городец, 2001. 208с.
3. Российское уголовное право / Под ред. А.И. Рарога. М.: Юриспруденция, 2014. 784с.
4. Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая. СПб., 1887. Вып. 1. // <https://search.rsl.ru/ru/record/01003621039> (Дата обращения: 21.09.2019 г.).
5. Жовнир С. О понятии уголовной ответственности // Уголовное право. 2006. № 3. С. 21-25.
6. Багрий-Шахматов Л.В. Уголовная ответственность и наказание. Минск, 1976. 384с.
7. Уголовное право. Общая часть: учебник / отв. ред. И. Я. Козаченко. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2008. 720с.
8. Звечаровский И.Э. Ответственность в уголовном праве. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2010. 100с.
9. Ткачевский Ю. Уголовная ответственность // Уголовное право. 1999. № 3. С. 38-41.
10. Благов Е.В. Об основании уголовной ответственности // Lex russica. 2019. № 1. С. 97-107.
11. Иванчин А.В. Конструирование состава преступления: теория и практика. М.: Проспект, 2014. 352с.

References:

1. Criminal law. The general part: textbook /under. Red. A.I. Chuchaeva. M.: Prospect, 2017. 464p.
2. Bratus S.N. Legal responsibility and legality. M.: Gorodets, 2001. 208p.
3. Russian Criminal Law / Under Ed. A.I. Raroga. M.: Law, 2014. 784p.
4. Tagantsev N.S. Lectures on Russian Criminal Law. Part of the total. St. Petersburg, 1887. Vol. 1. / <https://search.rsl.ru/ru/record/01003621039> (Call Date: September 21, 2019).
5. Jovnir S. On the concept of criminal responsibility / Criminal law. 2006. No. 3. P. 21-25.
6. Bagriy-Chahmatov L.V. Criminal responsibility and punishment. Minsk, 1976. 384p.
7. Criminal law. The general part: textbook / Red. I. Kozachenko. 4th ed., rework. And dop. M.: Norma, 2008. 720p.
8. Svecharovsky I.E. Responsibility in Criminal Law. St. Petersburg: Jurid. Center Press, 2010. 100p.
9. Tkachevsky Y. Criminal Responsibility / Criminal Law. 1999. No. 3. P. 38-41.
10. Blagov E.V. On the basis of criminal responsibility / Lex russica. 2019. No 1. P. 97-107.
11. Ivanchin A.V. Designing the crime: theory and practice. M.: Prospect, 2014. 352p.

УДК.347

ГРНТИ.10.27.41

КОРРУПЦИОННАЯ СДЕЛКА: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ НАНЕСЕННОГО УЩЕРБА

DOI: [10.31618/ESU.2413-9335.2020.6.70.562](https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2020.6.70.562)

Лаптева Людмила Евгеньевна

Докт. юрид. наук, профессор

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,

г. Москва

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья посвящена исследованию вопроса правомерности термина «коррупционная сделка» применительно к российской правовой доктрине и законодательству. Используя общенаучную и частнонаучную методологию познания, в частности, исторический, формально-юридический и компаративный методы, автор доказывает допустимость установления в законе и судебной практике юридического значения в гражданско-правовом аспекте последствий такого рода сделок. Исследуется также вопрос о наличии цивилистического элемента в коррупционной ситуации. Констатируется, что на сегодняшний день российское законодательство о противодействии коррупции не содержит специальных и действенных восстановительных механизмов, хотя выявление коррупционных сделок должно влечь за собой применение к правонарушителям гражданско-правовых средств воздействия. В связи с чем предлагаются разного рода дополнения законодательства. Для подтверждения результата исследования

используется законодательство иностранных государств (в частности, США), историческая ретроспектива развития российского антикоррупционного законодательства, а равно современное смежное отраслевое законодательство (в частности, уголовное). Автор приходит к выводу о возможности квалификации такой сделки как ничтожной, учитывая отсутствие специальной конструкции коррупционной сделки.

ABSTRACT

This article is devoted to the study of the legality of the term "corrupt transaction" in relation to Russian legal doctrine and legislation. Using the popular and private scientific methodology of knowledge, in particular, historical, formal-legal and comparative methods, the author proves the admissibility of establishing in law and judicial practice the legal significance in the civil-legal aspect of the consequences of such transactions. The question of the existence of a civilistic element in a corruption situation is also being investigated. It is noted that to date Russian anti-corruption legislation does not contain special and effective recovery mechanisms, although the detection of corruption transactions should entail the application of civil remedies to offenders. In this regard, various additions to the legislation are proposed. To confirm the result of the study, the legislation of the foreign state (in particular, the USA), the historical retrospective of the development of Russian anti-corruption legislation, as well as modern related sectoral legislation (in particular, criminal legislation) are used. The author concludes that it is possible to qualify such a transaction as null and void, given the absence of a special design of the corruption transaction.

Ключевые слова: сделка, коррупция, ничтожная сделка, взятка, взятодатель, взятополучатель, ущерб, реституция, вымогательство.

Keywords: transaction, corruption, insignificant transaction, bribe, briber, bribetaker, damage, restitution, extortion.

Вопрос о правомерности термина «коррупционная сделка» до сих пор остается открытым в российской юридической науке. Практика идет по пути отрицания юридически значимых в гражданско-правовом аспекте последствий такого рода сделок. Начать с того, что в современном российском гражданском законодательстве отсутствует специальное понятие коррупционной сделки. Иногда в научных трудах используются разного рода эвфемизмы [1], но в целом бытует мнение, что практической потребности во введении дополнительного законодательного определения нет, поскольку при необходимости коррупционная сделка может признаваться ничтожной на основании ст. 169 ГК РФ как противоречащая основам правопорядка и нравственности.

В связи с отсутствием специальной конструкции коррупционной сделки, возможность квалификации такой сделки как ничтожной неизбежно связана с толкованием указанных в ст. 169 двух квалифицирующих признаков. Причем доктрина не дает пока четкого ответа на пределы допустимого толкования этих критериев. Особенно сложно оказалось уточнить вопрос о нравственности. Так, по мнению Ю.П. Егорова, «под нравственностью как критерием ничтожности должно пониматься не любое осуждаемое обществом поведение, а наиболее серьезные аморальные деяния, противоречащие принятым в обществе представлениям о справедливости, добре и зле» [2]. При этом в качестве возможного примера такой сделки приводится соглашение о создании притонов. В литературе рассматриваются и другие примеры, скажем, из области семейного или трудового права, но вопрос о безнравственном характере сделки, несущей в себе коррупционную составляющую, остается в пренебрежении. С основами правопорядка все обстоит несколько проще, поскольку эта позиция трактуется как

противоречие позитивному праву, т.е. в конечном счете действующему законодательству в широком смысле слова.

Интересно, что в ранней американской традиции на протяжении достаточно продолжительного времени не просто отсутствовало понятие наносящей очевидный ущерб обществу коррупционной сделки: оспаривалась сама уместность разговора о недействительности подобной сделки, если только она могла трактоваться как контракт. Такого рода ситуации принято было толковать в духе раздела 10 ст. 1 Конституции США, которая гласит, что ни один штат не должен принимать закон, имеющий обратную силу или нарушающий обязательства по договорам (контрактам). Облеченный правом толкования Конституции Верховный суд США в деле Флетчер против Пека [3] суд отказал штату Джорджия в праве законодательно отменить осуществленную в 1794-95 гг. легислатурой штата передачу обширных земельных пространств спекулянтам по низкой цене. И это при том, что стало известно о материальной заинтересованности членов законодательного собрания в одобрении сделки по отчуждению. Только в XX в. приоритетом в США, как и везде, становится противодействие коррупции. Так, достаточно успешно начала вводиться нормативная база, направленная на защиту инвесторов, особенно с принятием Закона о коррупции за рубежом (1977), а затем Закона Сарбейнса – Оксли (2002) [4].

В начале XX века в русской юридической литературе рассматривался и вопрос о наличии цивилистического элемента в коррупционной ситуации. Так, ставился вопрос, не заключается ли в установлении ответственности тех, кто дает взятку, повода к процветанию взяточничества. Считалось, что взяточник, убежденный, что страх наказания удержит обратившегося к нему от жалобы на лихоимство, безнаказанно обирает свою

жертву. По представлениям того времени «закон, не освобождающий от ответственности лицо, сделавшееся лиходателем поневоле, по крайней необходимости, прямо противоречит коренному началу естественного права человека на личную защиту и оборону», а значит, пострадавшему от вымогательства должны быть «открыты все пути к гласному и безбоязненному преследованию и обличению лихоимца» [5, с. 49-50].

Каковы же последствия сделки, заключенной обеими сторонами умышленно, в полном осознании ее противоречия основам правопорядка и нравственности, но в ситуации, когда на одну из сторон оказывалось давление? Закон и в этом случае говорит, что все обязательства, заключенные на противоправном основании, ничтожны. Получается, что уплаченное по такому недействительному основанию подлежит обратному истребованию на основании закона, как поступившее к ответчику безосновательно. Согласно представлениям некоторых ученых, уже конца XIX-начала XX века, отказ от реституции был бы равносителен признанию, что недействительная, но исполненная сделка становится безусловно непоправимой, тогда как сделка законная могла быть оспорена в течение срока давности даже после исполнения [6, с. 137]. Иными словами, предпочтение в случае обнаружения взятки отдавалось гражданско-правовым средствам восстановления имущественного статуса пострадавшего.

Следует заметить, что по примечанию к ст. 291 действующего УК РФ, взяткодатель освобождается от наказания, если имело место вымогательство вознаграждения и он был поставлен в положение, при котором вынужден был дать взятку, чтобы защитить свои законные интересы от неправомерных действий должностного лица [7]. Такие же последствия предусмотрены для случаев, когда лицо после совершения преступления добровольно сообщило в орган, имеющий право возбудить уголовное дело, о даче взятки.

Согласно действующему российскому гражданскому законодательству, если наличие умысла установлено у обеих сторон ничтожной сделки, т.е. если обе они действовали, в полной мере сознавая противоравственный характер соглашения или его противоречие основам правопорядка, последствия несколько различаются, но только в зависимости от того, исполнена сделка обеими сторонами или одной из сторон. В первом случае в доход РФ взыскивается все полученное контрагентами по сделке, а во втором - с не исполнившей свою часть сделки стороны взыскивается в доход РФ все полученное ею и все причитавшееся с нее первой стороне в возмещение полученного. Важным правовым последствием коррупционной сделки становится недопущение реституции. Она и правда невозможна, поскольку переданное по такой сделке обращается в доход государства. Но справедливо ли это? Есть ли способ восстановить или

компенсировать потерю действующей не по своей воле стороны?

Конвенция Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (СЕД 174) [8] предполагает не только введение в законодательство присоединившихся государств понятия коррупционной сделки, но и дополнение его рядом положений, которые могут по-разному проявить себя в российских реалиях. Первым из них названо право лиц, которые понесли ущерб от коррупции в данном государстве, подать иск о возмещении ущерба (ст.3 ч. 1). При этом понятие ущерба должно включать как реальный материальный или финансовый ущерб, понесенный лицом, так и упущенную им выгоду и даже моральный вред (ст. 3 ч. 2).

Следует признать, что пока российское законодательство о противодействии коррупции не содержит специальных и действенных восстановительных механизмов, хотя по логике складывающихся отношений выявление коррупционных сделок должно влечь за собой применение к правонарушителям не только уголовно-правовых санкций, но и гражданско-правовых средств воздействия - прежде всего для восстановления прав третьих лиц, пострадавших от коррупционной сделки. Речь здесь может идти о самых разных дополнениях законодательства, скажем о четкой артикуляции права обращаться в суд с иском (в том числе в адрес казны разных уровней) не только о признании ничтожными результатов закупок, но и о возмещении ущерба для участников государственных или муниципальных закупок, которые понесли ущерб в результате акта коррупции, совершенного должностными лицами в ходе осуществления ими своих функций при организации соответствующих конкурсных процедур [9].

Впрочем, сказанное вступает в очевидное противоречие с указанием Пленума ВАС РФ, что санкции, установленные за совершение публичных правонарушений, не могут рассматриваться как последствия недействительности сделок. Если сделка образует состав публичного правонарушения либо это правонарушение связано с совершением такой сделки, в рамках рассмотрения публичного спора подлежит применению ответственность, установленная за публичное правонарушение, а не последствия, предусмотренные ст. 169 ГК РФ [10]. Именно поэтому в данном случае речь не может идти о гражданско-правовой реституции. Сказанное вполне соответствует представлениям русской юриспруденции конца XIX века, которая, разделяя подходы, отраженные в практике Правительствующего Сената, склонна была перевести разговор с ответственности государства на ответственность учреждений или должностных лиц. В те времена неоднократно указывалось, что в ситуациях, когда то или иное «государственное установление действует в качестве органа государственной власти..., то в таком качестве отвечать за убытки не может» [11, с. 334].

Как указал Верховный суд, «взятодатели, в отношении которых не решен вопрос об освобождении от уголовной ответственности, не могут признаваться потерпевшими, поэтому денежные средства, переданные этими лицами взятополучателю, не могут быть взысканы в их пользу. Изъятые деньги и другие ценности, являющиеся предметами взятки и признанные вещественными доказательствами, подлежат обращению в доход государства на основании ст. 81 УПК РФ» [12]. Однако разве приведенная позиция не исключает того, что дача взятки в ситуации вымогательства может рассматриваться как частный случай предусмотренных ст. 179 ГК РФ угрозы или насилия [13]?

Следует признать, что квалификация лица, пострадавшего от вымогательства, как взятодателя, есть лукавая позиция, которую занимает современное российское правосудие. В подобных случаях гораздо логичнее было бы вести речь именно о вымогательстве и тем самым дать деянию иную оценку и, в конечном счете, исключить такое последствие, как обращение переданного вымогателю имущества в доход государства, поскольку речь уже не шла бы о коррупционной сделке.

Поскольку ст. 291 УК РФ исключила возможность подобной квалификации вымогательства взятки, остается ориентироваться на приведенное выше мнение ВАС. Исходя из него можно сделать вывод, что рассматриваемая ситуация переходит в публично-правовую плоскость и права лица, выплатившего взятку в ситуации вымогательства, не могут быть защищены в порядке реституции. В этих случаях нет речи и о применении правил неосновательного обогащения для восстановления имущественного статуса лица, пострадавшего от коррупции, за счет иска к государству по поводу имущества, обращенного в доход государства. Такой вывод вытекает из логики закона, поскольку неосновательным считается только получение имущества без законного на то основания. Кроме того, глава 60 ГК РФ о неосновательном обогащении оговаривает, что применение соответствующих правил допускается лишь к вытекающим из недействительности сделки требованиям о возврате исполненного по этой сделке. Раз по решению законодателя ситуация вымогательства приобрела в ст. 291 квалификацию взяточничества, объективное право требовать возмещения ущерба у пострадавшей в результате коррупционной сделки стороны отсутствует. Иными словами, только суд может установить применительно к каждой конкретной ситуации субъективное право лица на такое возмещение. Пока сколько-нибудь выраженная традиция предъявления казне от физических лиц исков подобного рода в России отсутствует.

Сказанное не означает, что право вчинить государству иски, упомянутые в Конвенции 1999 г., вообще не закреплено в российском законодательстве. Но и теперь расхожим

аргументом против признания законности исков казне о возмещении вреда, вытекающих из коррупционных ситуаций, является предположение, что такая норма может быть использована не только как юридическое основание возмещения ущерба частных лиц (как физических, так и юридических), но и как фактор, провоцирующий появление новых разновидностей публичных правонарушений в форме мошенничества. Негативная позиция по поводу признания ответственности государства в какой-то мере может считаться наследием советского периода. Правда, однозначно отрицательное отношение было свойственно советской практике лишь в первое десятилетие. Тогда попытались исключить ответственность государства даже для таких видов вреда, как, например, от искры паровоза, ограничиваясь пособием нуждающимся, ибо считалось справедливым, что лица, «имеющие другие средства к существованию, вознаграждения за смерть, например, отца или сына не получают» [14, с. 10].

В марте 1927 г. законом РСФСР «О реквизиции и конфискации имущества» [15] лица, в отношении которых была допущена незаконная конфискация, получили право требовать от государственных учреждений и организаций через суд возвращения изъятого имущества и возмещения ущерба. Следующий важный этап составили ст. 89 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г. и ст. 447 ГК РСФСР 1964 г. Закон о собственности в РСФСР от 24 декабря 1990 г. (ст.30) предусматривал, что ущерб, нанесенный собственнику преступлением, должен был возмещаться государством по решению суда с последующим регрессом на преступника. Правда, действие этой нормы было приостановлено в 1993 г., а с 1995 г. утратил силу и весь закон. Тем не менее, была подготовлена почва для закрепления принципа ответственности государства уже на конституционном уровне.

Согласно ст. 53 Конституции РФ 1993 г. «каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц». Подобная практика имеет место преимущественно в рамках экономических споров юридических лиц с финансовыми службами или профильными министерствами разных уровней. Судами чаще всего констатируется отсутствие доказательств того, что упущенная выгода возникла в результате противозаконных действий администрации или отсутствие самого факта противозаконных действий. Так, в определении Верховного суда РФ по делу №309-ЭС16-4733 суды установили, что компенсация части процентов по кредитам сельскохозяйственных товаропроизводителей осуществлялась на основании законодательства субъекта Российской Федерации – Челябинской области и произведена в размере, предусмотренном

законом о бюджете области в редакции, действующей на день выплаты [16].

Таким образом, иски в адрес казны, в принципе, предусмотрены российским законодательством, прежде всего для юридических лиц, которые так или иначе пострадали от вызванных различными причинами действий представителей администраций разных уровней. Коррупция нередко вообще не артикулируется, но вчинение такого рода исков закон не исключает, запрещающая в известных случаях применение эстоппеля и допуская реституцию.

Проблемой при этом остается вопрос о тех, кто потерпел имущественный ущерб от вымогательства взятки. Пока действует примечание к ст. 291 УК РФ и нет возможности переквалифицировать соответствующие ситуации, судьба людей, пострадавших от вымогательства должностных лиц, остается вне поля зрения позитивного права и полностью зависит от усмотрения конкретного судьи и наличия соответствующей строки в бюджете.

Список литературы:

1. Илюшина М.Н. Недействительность сделок как гражданско-правовое последствие коррупционных правонарушений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 12.
2. <http://gkodeksrf.ru/ch-1.rzd-1/podrdz-4/gl-9/prg-2/st-169-gk-rf>
3. <https://www.fjc.gov/history/timeline/fletcher-v-peck>
4. Foreign Corrupt Practices Act (FCPA); US Sarbanes – Oxley Act on 30 July 2002. URL: <https://www.congress.gov/bill/107th-congress/senate-bill/2673>.
5. Репинский Г.К. Несколько слов по поводу нападок на взяточничество // Юридический

вестник, издаваемый Николаем Калачовым. Выпуск второй. Спб. 1860-1861.

6. Кавалиоти С. Обратное истребование взятки (из практики Правительствующего сената) // Вестник Гражданского права. Петроград. 1915. № 1.

7. п. 10.2 комментария к ст. 290 УК РФ о требовании взятки под угрозой.

8. Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию ETS N 174. URL:<http://base.garant.ru/4089549/>. 23.03.2018. Оригинал на английском: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007f3f6>

9. Корякин В.М. Некоторые вопросы недействительности сделок в сфере государственных закупок в свете положений Конвенции Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию // Вестник МИТЭП. 2014. № 3 (16).

10. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 10 апреля 2008 г. № 22 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с применением статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень ВАС РФ. 2008. № 5.

11. Тютрюмов И.М. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. Книга вторая. М. Статут. 2004.

12. Определение Верховного Суда РФ от 31.07.2007 № 48-О07-46сп

13. <http://www.gk-rf.ru/statia179>

14. Судебная практика. 1928. № 7.

15. Закон РСФСР от 28.03.1927 «О реквизиции и конфискации имущества» // СУ РСФСР. 1927. № 38. Ст. 248.

16. https://dogovor-urist.ru/судебная_практика/дело/309-эс16-4733/

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

DOI: [10.31618/ESU.2413-9335.2020.6.70.565](https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2020.6.70.565)

Мухитдинова Фирюза Абдурашидовна

доктор юридических наук, профессор

Ташкентского государственного юридического университета

Хайитов Шерзод Рахматуллаевич

Преподаватель

Ташкентского государственного юридического университета

Mukhitdinova Firyuza Abdurashidovna

doctor of Law,

Professor of the Tashkent State University of Law.

Khayitov Sherzod

rakhmatullaevich-lecturer-Tashkent state law University

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются современные проблемы духовно-нравственного воспитания молодежи в современных условиях. Изучены зарубежный опыт а также исторические истоки духовно-нравственные учения мыслителей Востока. Проанализированы государственная молодежная политика в сфере гражданско-патриотического и духовно-нравственного воспитания молодежи Республики Узбекистан.

ANNOTATION

The article deals with modern problems of spiritual and moral education of young people in modern conditions. Foreign experience and historical sources of spiritual and moral teachings of Eastern thinkers are studied. The article analyzes the state youth policy in the sphere of civil-Patriotic and spiritual-moral education of the youth of the Republic of Uzbekistan.

Ключевые слова: молодежь, реформа, духовность, патриотизм, нравственность, политика

Keywords: youth, reform, spirituality, patriotism, morality, politics

Идея совершенной, всесторонне развитой личности выражает постоянное стремление человека к овладению сокровищами как национальной, так и общечеловеческой мировой культуры, к духовно-нравственному и физическому совершенству. Эта идея вдохновляет на непрерывное развитие духовности и просветительства. Нет будущего у народов и наций, не нацеленных на свое совершенствование, не заботящихся о подрастающем поколении.

Идея совершенной личности испокон веков была заветной мечтой нашего народа, органичной частью его духовности. Впитав философию Ислама, она значительно расширила свое содержание в произведениях великих мыслителей Востока: Абу Наср-аль-Фараби, Абу Рейхан Беруни, Абу Али Ибн Сина, Юсуф Хос-Хожиб, Ахмад Югнаки, Джалалиддин Давани, Алишер Навои и мн.др., которые внесли неоценимый вклад в сокровищницу мировой науки, культуры, просвещения.

Проблема духовно-нравственного развития личности, имеющая непреходящее значение, приобретает особую актуальность в переломные моменты истории. Сегодня становится очевидным тот факт, что никакие социально-экономические и политические преобразования в нашей стране не могут быть успешно осуществлены без учета духовного потенциала личности особенно молодежи которые составляют более 60 % населения Узбекистана и общества. В Законе Республики Узбекистан «Об образовании» (1997) и в «Национальная программа по подготовке кадров, принятый 7 февраля 2017 года, а также Указ Президента Республики Узбекистан от 22 января 2018 года № УП - 5308 «О Государственной программе по реализации Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017 - 2021 годах в 2020 год объявлен в Узбекистане Годом развития науки, просвещения и цифровой экономики и в нем учтены ведущим принципом государственной образовательной политики выдвигается воспитание человека-гражданина, уважающего права и свободы других людей, формирование активной, творческой, критически мыслящей личности, способной приносить пользу обществу, что признается необходимым условием успешной реализации демократических реформ и гуманизации общественных процессов. Во время чтения Послания к Сенату и Законодательной палате Олий Мажлиса президент предложил объявить 2020 год Годом развития науки, просвещения и цифровой экономики.

"Великие мыслители Востока говорили: "Самое большое богатство – разум и наука, самое большое наследство – хорошее воспитание, самая большая нищета – отсутствие знаний", - напомнил Шавкат Мирзиёев. - Стремление овладеть современными знаниями, быть просвещенными и обладать высокой культурой должно стать для всех нас жизненной потребностью".

Впервые в нашей стране будет внедрена система подготовки детей к школе с 6-летнего возраста. Из бюджета на эти цели выделяется 130 миллиардов сумов. В данном процессе будут участвовать и частные дошкольные образовательные учреждения.

В 2020 году за счет 1,7 триллиона сумов бюджетных ассигнований будет возведено 36 новых школ, капитально отремонтировано 211 школ. Предусматривается также создать 55 частных школ с доведением их общего числа до 141. Также указаны о том что, союзу молодежи Узбекистана следует разработать Концепцию «Молодежь Узбекистана– 2025» и определить практические меры по воспитанию духовно и физически развитого подрастающего поколения.

Никто не должен стоять в стороне в очень важной работе по обеспечению мира и спокойствия в нашей стране, глубокого утверждения в обществе принципа: «Береги своих детей, свой дом, свою Родину – как зеницу ока!»,-сказал глава государства.

Основным задачам Послания президента Узбекистана стал «Первостепенное значение имеет развитие духовно-нравственного мира наших людей, особенно молодежи.

Поэтому важнейшей задачей для нас является ее воспитание на основе идеи «От национального возрождения – к национальному прогрессу», в духе патриотизма, преданности Родине».

На повестке дня всегда должны стоять вопросы доведения до широкой общественности гуманистической сути исламской религии, провозглашающей ценности мира, дружбы и согласия, утверждения в нашей жизни благородной идеи «Просвещение – против невежества».

В этом году будут организованы международные научно-практические конференции и другие мероприятия по тематике религиозной толерантности, а также посвященные жизни и научному наследию великого ученого-мухадиса Имама Бухари, выдающегося теолога Абу Мансура Мотуриди и продолжателя его дела Абу Муина Насафи.

Нам предстоит большая работа по реконструкции мемориального комплекса Имама Бухари в Самарканде на основе уникального

проекта. В то же время нам следует организовать на высоком уровне 700-летие со дня рождения великого мыслителя Бахоуддина Накшбанда. Актуальность исследования обусловлена тем, что, несмотря на имеющиеся исследования, вопросы духовно-нравственного развития личности средствами литературного образования до сих пор остаются недостаточно изученными, а специфические свойства учений и идей, обладающей мощным духовным и нравственным потенциалом, в процессе преподавания зачастую игнорируются, в то время как они могут и должны оказывать огромное влияние на формирующуюся личность.

Как нам известно что, духовность - устойчивое личностное интегральное качество субъекта, обеспечивающее целостность личности и её устремленность к духовному саморазвитию. Эти проблемы изучены учеными как М.А.Ахмедшаева, Ш.А.Сайдуллаев, Ф.А.Мухитдинова в статье «Политико-правовые учения Амира Тимура»¹⁰, профессором Ф.А.Мухитдиновой уделены большое внимание на политико-правовые учения народов Востока¹¹ а также еще многие научные статьи¹².

А что касается нравственности то нравственность — личностная характеристика, объединяющая такие качества и свойства, как доброта, порядочность, честность, правдивость, справедливость, трудолюбие, дисциплинированность, коллективизм, регулирующие индивидуальное поведение человека.

Наш народ воспитал великих мыслителей, внесших колоссальный вклад в развитие мировой цивилизации. Мы должны воспитать молодежь достойной наших великих предков, образованными и просвещенными личностями, сказал Президент Республики Узбекистан Шавкат Мирзиёев. Каждая нация сильна не только своими богатствами, а в первую очередь высокой духовностью и культурой. В Узбекистане с первых дней независимости придается большое значение возрождению национальных ценностей, совершенствованию системы национального образования и воспитанию гармонично развитого поколения в духе патриотизма и любви к Родине. Возвращение к своим истокам, осознание глубины и величия культурного и духовного наследия наших великих предков, внесших огромный вклад в достижения мировой культуры, воспитание в каждом поколении бережного отношения к своему прошлому, благородным национальным и

религиозным традициям и одновременно с этим ясное понимание необходимости освоения и приобщения к ценностям современной цивилизации и духовности - это конкретная почва, на которой строится наша политика воспитания подрастающего поколения, политической зрелости и активности населения.

восточные мыслители наоборот считали, что воспитанием детей в первую очередь должны заниматься родители. Поэтому они ведущую роль отводят семейному воспитанию. Взгляды, восточных мыслителей о воспитании и образовании, о роли семьи в семейной воспитании, формировались на мировоззрении Ислама, его ценностях. Общечеловеческие идеи в творчестве Восточных мыслителей созвучны с идеями исламской морали. Мухаммад ибн Муса аль Хоразми о воспитание ребёнка в семье писал так «Родители бывают двух видов: отец родитель, и отец воспитатель. Первый связан с физической жизнью, второй с духовной жизнью. Их взаимосвязь, и одновременность, имеют большое значение, в деле воспитания. Его следующие слова: «Я не видел лучше учителя, чем жизнь, лучше ученика, чем человек». Эти высказывания являются очень примерными. С его слов, с одной стороны мы, понимая, видим какую важную роль, играет социальная среда в воспитании ребёнка, с другой стороны, как в результате образования совершенствуется личность человека. Абу Райхон Беруни ставит проблему чистоты тела и духа. Если в семье существует чистота и дисциплина, то существует нравственная чистота. Эту мысль нельзя ограничить только чистотой тела, нужно совершать много действий. Эти действие означают совершать труд. Его мысли о душе и действии связаны идеей целостности чистоты человеческого тела и духа. Эта мысль взаимосвязи, в воспитании ребёнка физического здоровья и морально-нравственного богатства, созвучно с требованием сегодняшнего дня. Беруни требует от родителей оберегать своих детей. Это значит, что надо оберегать ребёнка от сильного волнения, злости, испуга, обиды, находить для него полезные вещи, отстранить из его жизни нелюбимые предметы. Различное отношение родителей к ребёнку приводит различному поведению ребёнка. Мыслитель научно обосновал, что воспитательные действия в поведении ребёнка приводит к здоровью тела и духа. Беруни показал, какое важнейшее влияние на воспитание ребёнка оказывает среда воспитания, её положение. Абу Али ибн Сино,

¹⁰ Politico legal doktrines of Amir Temur and actualite of stading “The constitution of Timur”. International Journal of Humanities and Social sciences. India. 2019, P.62-65.

Роль и место изучения Амира Тимура. eLIBRARY ID: 22447679

¹¹ <http://sersc.org/journals/index.php/ijast>
DOI: 10.18334/asia.1.2.37980

Новый этап реформирования подготовки юридических кадров в Республике Узбекистан

¹² Mukhitdinova F.A., Agzamhodzhaeva S.S. . Идеи и учения к концепции духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения в Узбекистане (33-43) // . PDF архив. ; ():-. 10.31618/ESU.2413-9335.2019.8.61.72

Воспитание молодежи: история и развития, проблемы и пути решения... <https://esa-conference.ru/>

ведущий ученый Восточного Возрождения написал специальную книгу «Тадбир ал манозил», посвященную проблемам воспитания. Там отражены задачи родителей по воспитанию детей. В произведении отражены мысли о задачах, о долге родителей по воспитанию детей, их взаимоотношения, особенно показано, как своим трудолюбием родители прививают ребенку любовь к профессии, ремеслу. Нравственно-воспитательные произведения Юсуф Хос Хожиба, играют очень важную роль в области решения задач и проблем духовноморального развития. В данных произведениях были выдвинуты идеи о

духовном развитии личности, путём науки и образования. Например, его произведение «Кутадгу билиг» (Благодатное знание), в истории педагогики можно считать монументом всех произведений, написанных методом обучения морали. Именно в этот период учение Корана и Хадисов шло параллельно с изучением указанных в них поучений. В них выдвинуты вперёд такие основные качества мусульманства как: честность, добродетельность, помощь, приличие, правила общения, доброта и милосердие, мораль и другие, которые, оказали влияние на Восточную литературу, в образовательно моральные произведения.

Образовательно-моральные произведения были написаны непосредственно на основе идей, выдвинутых в Хадисах, в частности труд Юсуфа Хос Хожиба «Кутадгу билиг» является этому примером, написанным на тюркском языке. Труд энциклопедически разностороннего ученого Джалилидина Давани (1452-1502 гг.) «Этика Жалоли», сыграл большую роль в формировании педагогических и этических воззрений многих прогрессивных мыслителей Средней Азии – Юсуфа Карабаги, Абу Тахира Самарканди, Абдуллы Авлоний и мн.др. В этом фундаментальном труде Давани высказывает ценные мысли о воспитании подрастающего поколения, необходимости приобретения положительных качеств в ходе воспитания и обучения. В формировании нравственности человека им особое внимание отводилось среде, коллективу, окружающим людям, семье.

Особое место в сердцах людей Узбекистана принадлежит Алишеру Навои, чьи талантливые произведения уже более пятисот лет волнуют умы и сердца многих поколений. Алишер Навои отмечал, что смысл человеческой жизни состоит в

служении идеалам добра и справедливости, любви и дружбы, правды и красоты. Также, Абдулла Авлоний считал, что человек существует для созидания, поэтому должен обладать знаниями. В своём труде «Туркий гулистон ёхуд ахлоқ («Цветущий край и мораль») придаёт огромное значение вопросам просвещения и образования. В своей книге «Туркий Гулистон ёхуд ахлоқ» Авлоний прежде чем перейти к вопросу « что такое хорошо и что такое плохо», останавливается на великой роли воспитания и подчёркивает, что детей нужно воспитывать, начиная с младенческого возраста. «Если у человека испорчен характер с детства, если он вырос невоспитанным лишённым моральных устоев, то нечего ждать от него», — пишет автор.

В заключении хотелось бы отметить, что наставления всех мыслителей Востока о поведении, воспитанности, честности являются программой для каждого подрастающего поколения.

Они призывают, если у самого человека есть красивые качества, он должен обучить их другим людям. Но для того чтобы, получить примерную нравственность, привычку у детей, требуется большая сила и громадный труд родителей. Эта появиться в результате воспитания. Поэтому эти взгляды поднимают одну важнейшую проблему в современной эпохе..

Список литературы

1. Мирзиёев Ш.М. Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017-2021 годах. IIII «О стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан» // Собрание законодательства РУ, 2017. № 6.

2. М.Ахмедшаева, Ф.Мухитдинова, Ш.Сайдуллаев, Ш.Хайитов Politico legal doktrines of Amir Temur and actualite of stading “The constitution of Timur”. International Journal of Humanities and Social sciences. India. 2019, P.62-65

3. DOI: 10.18334/asia.1.2.37980. Новый этап реформирования подготовки юридических кадров в Республике Узбекистан

4. Mukhitdinova F.A., Agzamhodzhaeva S.S. . Идеи и учения к концепции духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения в Узбекистане (33-43) // . PDF архив. ; ():-. 10.31618/ESU.2413-9335.2019.8.61.72

5. Воспитание молодежи: история и развития, проблемы и пути решения... <https://esa-conference.ru>

THE ESSENCE AND CONTENT OF THE CONCEPT OF “PUBLIC DIPLOMACY”

Shakhnoza Mirsoatova

Tashkent State Institute of Oriental Studies,

2 year master's degree,

majoring in International Relations and Foreign Policy

ANNOTATION

In this article, the author examines the concepts of public diplomacy, the history of its appearance. The classical definition of public diplomacy was put forward by E. Gallion, defining it as the means by which governments, private groups and individuals change the attitudes and opinions of other peoples and governments in such a way as to influence their foreign policy decisions. In other words, public diplomacy is a system of dialogue with the foreign public. If we talk about the relationship of public diplomacy and soft power, then public diplomacy is one of the tools of soft power. In turn, the forms of public diplomacy include: public, cultural, digital diplomacy, etc.

Key words: Public diplomacy, soft power, cultural diplomacy, digital diplomacy, propaganda, art, science, education, favorable image.

Currently, we are witnessing major changes in world politics and the structure of international relations. In an era when information, like misinformation, is spreading at an unprecedented rate, the very essence of diplomacy is changing, which now deals with a wider range of different forces. We can say that the tasks of diplomacy have become much more complicated, because today it is not enough to take into account only its political, economic or demographic characteristics to form the perception of any country. One of the most important aspects of the state's overall assessment is the impression it makes on the world stage.

In this regard, in recent years, public diplomacy has begun to play an increasingly active role. The concept of public diplomacy was first proposed in 1965 by Edmund Gallion, dean of the School of Law and Diplomacy. Fletcher at Tufts University, to indicate the process by which subjects of international relations achieve foreign policy goals by exerting influence on the foreign public¹³. E. Gallion regarded “public diplomacy” as a synonym for the word “propaganda”. However, if in English the term propaganda has a negative connotation, then, introducing the concept of public diplomacy, the American scientist gave it a neutral color. At the official level, this term was first used at a meeting of the US Congress in 1977 in the report of the Murphy Commission on the organization of the foreign policy apparatus¹⁴.

In general, it should be noted that the tools of public diplomacy in various forms have been used in international relations for many centuries, but the concept itself received a conceptual explanation only in the middle of the 20th century, thanks to E. Gallion.

However, after the end of the Cold War, when the ideological confrontation ceased, the role of public

diplomacy decreased markedly. This is largely due to the fact that in 1990 it was replaced by a new term - soft power. Its author is an American political scientist, professor at Harvard University, Joseph Nye. Over the years, he developed this concept and developed a whole concept, highlighting the “hard power” of the state, which is based on military and economic power, “soft power”, the essence of which is the ability to achieve other desired results on a voluntary basis - without coercion and threats, and “smart power”, which, in his opinion, is the most winning strategy, and includes a balanced combination of “hard” and “soft” power¹⁵.

In addition, J. Nye expressed the view that one of the main ways to develop the potential of “soft power” is through public diplomacy. He suggested considering three dimensions of public diplomacy. The first is daily coverage of domestic and foreign policies and an explanation of the audience of government decisions. The second dimension is “strategic communication”, which is a focused discussion of the most important political issues for the state. Thirdly, the development of direct contacts with foreign public through exchange programs, scholarships, scientific conferences, which allow foreign citizens to get acquainted with the culture and lifestyle of the country¹⁶. So, a study by J. Nye explained how public diplomacy should work.

Currently, one can observe a sharp increase in scientific and practical interest in this area¹⁷. There is nothing surprising in this, because the governments of countries must support the 24-hour news cycle and be aware that the information they transmit is under the constant attention of a foreign audience. As a result, public diplomacy is gaining an increasing political role and goes beyond the scope of simple slogans and other mass media that have long been associated with propaganda or public relations.

¹³ What is Public Diplomacy? // The Edward R. Murrow Center of Public Diplomacy. The Fletcher School. Tufts University. URL: <http://fletcher.tufts.edu/murrow/diplomacy>

¹⁴ Tsaturyan S. A. Public diplomacy of the USA in the new information century // USA and Canada: economics, politics, culture. – M., 2010. – No. 8. – P. 105.

¹⁵ Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – N.Y.: Public Affairs, 2005. – P. 63.

¹⁶ Nye J.S. Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 2008. – Vol. 616. – P. 101-102.

¹⁷ Zonova T.V. The modern model of diplomacy: the origins of formation and development prospects. - M., 2003. – P. 129.

If we talk about science, then in the political vocabulary of other countries you can find two versions of the translation of the term public diplomacy - “public diplomacy” and “public diplomacy”. This is certain confusion, because these concepts cannot be equated. The fact is that the word “public” is translated into other languages as “social”, “civil”, “popular”¹⁸. Meanwhile, civil (people's) diplomacy is an unofficial activity of individuals and legal entities, NGOs, various institutions and movements that are not directly dependent on the government, but nevertheless can help improve interstate relations and establish cooperation between peoples.

Therefore, by public diplomacy we mean diplomacy at the level of non-governmental organizations, the expert community, while public diplomacy includes a wider range of activities. In this regard, the means by which one state seeks to influence the audience of another is correctly designated by the term “public diplomacy”, because by it we mean the

system of interaction with foreign public of both governmental and non-governmental entities. Consequently, the concept of public diplomacy is only one of the areas of public diplomacy, but by no means a synonym.

Thus, public diplomacy is a generalized concept denoting the activities of various actors, both governmental and non-governmental, which is designed to explain to the foreign public the country's foreign policy and to encourage a particular foreign state to make its foreign policy decisions in a way that is beneficial to these actors. If we talk about the relationship between public diplomacy and soft power, then in this case, these two concepts cannot be equated with each other, because public diplomacy is just one of the tools of soft power. In turn, the forms of public diplomacy include: public, cultural, digital diplomacy, etc. They predetermine its entire need for use in foreign policy by the states of the world that are trying to influence the “hearts and minds” of people.

УДК 34.05
ГРНТИ 10.91

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СМЕШАННОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ ИНДИЯ

DOI: [10.31618/ESU.2413-9335.2020.6.70.566](https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2020.6.70.566)

Пчелинцева Валерия Викторовна

Магистрант международно-правового факультета

МГИМО (У) МИД России

г. Москва

GENERAL OVERVIEW OF THE MIXED LEGAL SYSTEM OF THE REPUBLIC OF INDIA

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются особенности правовой системы Республики Индия как одной из смешанных правовых систем современности, а также обосновывается точка зрения о том, что данную правовую систему отличает сочетание черт англосаксонской, романо-германской, индусской и мусульманской правовых семей. Исследуется механизм применения на территории Индии систем религиозных и обычных норм, не признаваемых в качестве самостоятельных правовых систем современной сравнительно-правовой наукой. Обозначаются некоторые вопросы, касающиеся характеристики индийской правовой системы, которые требуют дальнейшей научной разработки.

ABSTRACT

The article contains the analysis of the key features of the legal system of the Republic of India as a contemporary mixed legal system. It is argued that the Indian legal system shows a combination of traits of the common law, continental, Hindu and Muslim legal systems. The mechanism of application of the systems of religious and customary norms that are not qualified as separate legal systems according to the modern comparative law doctrine is explored as well. The questions that require further investigation are announced.

Ключевые слова: правовая система Республики Индия, правовая система Индии, смешанные правовые системы, индусское право, мусульманское право, индийское право, юридическая география

Key words: Indian legal system, legal system of the Republic of India, mixed legal systems, Hindu law, Muslim law, Indian law, legal map of the world

Правовая система Республики Индия является уникальным образцом современной смешанной правовой системы. Ее отличает сочетание характеристик англо-американской, романо-германской, индусской и мусульманской правовых семей, а также таких систем религиозных и обычных норм, которые не признаются в качестве самостоятельных правовых систем современной компаративистикой.

Изучение правовой системы Республики Индия представляется актуальным для целей юридической географии, а также теории сравнительного правоведения, в частности учения о смешанных правовых системах. Оно также способствует формированию представления о правовых механизмах применения религиозных норм в современных светских государствах.

¹⁸ Ibid.

Научная новизна данного исследования состоит во всестороннем изучении тех правовых систем и традиций, основные черты которых проявляются в индийском праве в настоящее время, а также в выявлении некоторых вопросов, касающихся характеристики индийской правовой системы, которые требуют дальнейшей научной разработки.

Для целей исследования правовыми системами считаются правопорядки отдельных государств, а также признанные современной сравнительно-правовой доктриной иные взаимосвязанные и согласованные правовые средства регулирования общественных отношений (например, религиозные правовые системы), а правовой семьей – совокупность правовых систем, история формирования и основные черты которых являются в существенной степени схожими. Характеристика правовых систем и семей осуществляется путем сопоставления норм позитивного права, особенностей правосознания и правовой культуры субъектов.

1. Англо-американское право как основа современной правовой системы Республики Индия

Влияние англосаксонской правовой традиции на формирование современного индийского права трудно переоценить. Следует последовательно изучить проявление черт англо-американского права (1) в форме государства и системы органов государственной власти Индии; (2) в системе источников и (3) структуре современного индийского права.

(1) Форма государства и система органов государственной власти

Государственное управление Британской Индией характеризуется последовательной централизацией с передачей Британской империи полномочий, которые до того осуществлялись Ост-Индской компанией, и децентрализацией власти, в ходе которой правотворческие и правоприменительные функции постепенно передавались местным служащим и должностным лицам. Из конституционной истории Индии известно [2], что в период с 1773 по 1853 год метрополией была учреждена посредством законодательных актов система государственных органов Британской Индии с учетом принципа разделения законодательной, исполнительной и судебной власти. Законом об управлении Индией 1858 года управление данной территорией было поставлено под строгий контроль Короны. Тогда управление осуществлялось в основном представителями Британской империи. Наконец, с 1861 по 1935 год осуществлялась постепенная децентрализация власти, в ходе которой в исполнении полномочий и функций органов государственной власти стало принимать участие преимущественно местное население Индии. Последними актами метрополии об управлении Британской Индией являются Закон об управлении Индией 1935 года и Закон о независимости Британской Индии 1947 года.

Созданная Британской империей система управления оказала существенное влияние на конституционный строй и правовые институты современной Индийской парламентской республики. При анализе системы органов государственной власти Индии и системы органов государственной власти Великобритании выявляется значительное сходство в порядке формирования, формах взаимодействия и ответственности законодательных и исполнительных органов, вплоть до таких отличительных черт, как включение главы государства в состав Парламента (предусмотрено статьей 79 Конституции Индии 1950 года). При этом нельзя не отметить, что два государства отличаются по форме правления и форме территориального устройства (Великобритания – унитарная монархия, Индия – федеративная республика).

С другой стороны, представляется, что правовой режим взаимодействия между главой государства и органами государственной власти Республики Индия, в том числе института импичмента, схоже с правовым регулированием статуса главы государства в государствах англо-американской правовой семьи с республиканской формой правления.

Судебная система Индии не в меньшей степени проявляет черты англо-американской правовой семьи. Хотя в ней и наблюдается специализация судебных органов (на территории Индии функционируют специализированные суды по торговому, налоговому, корпоративным делам и прочие), формирования отдельных ветвей судебной власти не наблюдается. Верховный суд Индии является высшей инстанцией, в которой осуществляется обжалование решений в разных областях права, а также конституционный контроль законодательных актов в соответствии со ст. 32 Конституции Индии.

Все вышеизложенное подтверждает существенное влияние англосаксонской традиции на формирование системы органов управления и разделения властей в Республике Индия.

(2) Система источников права Республики Индия

Система источников индийского права включает законы, акты делегированного законодательства и подзаконные акты, в том числе прецеденты. [6] На территории Индии также подлежат применению религиозные нормы индуистского и мусульманского права и обычные нормы. Представляется уместным более подробно охарактеризовать делегированное законодательство и прецедентное право Республики Индия.

Распространенная практика принятия актов делегированного законодательства является отличительной чертой англо-американской правовой семьи. В Республике Индия акты делегированного законодательства принимаются на основании статьи 312 Конституции 1950 года, а также актов ее толкования органами судебной

власти. Так, в решении по делу *D. S. Gerewal v. State of Punjab* Верховный суд Индии постановил, что практика передачи парламентом нормотворческих полномочий органам исполнительной власти не противоречит основному закону государства.

Как и в государствах англосаксонской правовой семьи, в Индии источником правовых норм признается прецедент. Структура индийского судебного прецедента совпадает со структурой прецедента, принятой в государствах англо-американского права (*ratio decidendi* и *obiter dictum*). При этом в Индии сфера применения англосаксонского правового принципа *stare decisis*, обосновывающего применение норм прецедентного права, уже, чем в Великобритании или США. Только решения Верховного суда Индии и Высоких судов обладают обязательной силой для судов общей юрисдикции. Решения Высокого суда могут играть роль убеждающего прецедента в других Высоких судах и подчиненных им судебных органах. Решения, вынесенные в рамках системы специализированных судов, являются обязательными для таких судов, но не для судов с иной специализацией или судов общей юрисдикции.

(3) Система права Республики Индия: принципы, отрасли, институты

Как и правовым системам, входящим в англо-американскую правовую семью, правовой системе Республики Индия не свойственно деление права на публичное и частное. В индийской научной доктрине лишь недавно начало формироваться представление об отдельных отраслях права и законодательства. С другой стороны, индийское право различает средства правовой защиты, предоставляемые по общему праву и по справедливости. Интересно отметить, что нормы права справедливости в Индии были кодифицированы сначала британским парламентом в 1877 году, а после парламентом независимой Индии в 1963 году, когда был принят новый Закон об исполнении в натуре.

Помимо уже упомянутого принципа *stare decisis* стоит рассмотреть иные общие принципы права, свойственные как правовым порядкам стран англо-американской правовой семьи, так и правовой системе Республики Индия. В соответствии с Конституцией и практикой Верховного суда Индии (решение по делу *Chief Settlement Commr, Punjab v. Om Prakash*) принцип верховенства права (*rule of law*) является одним из фундаментальных положений основного закона государства (*element of the basic structure of the Constitution*). Такие положения не могут быть изменены или упразднены, в том числе путем внесения изменений в Конституцию. Выделение таких фундаментальных норм является отличительной чертой конституционного права Индии.

В судебной практике и правовой доктрине также признается важная роль англосаксонского правового принципа континуитета (*continuity*) как в отношении индийской правовой системы в целом,

так и в отношении прецедентного права Республики. [7, с. 142, 243]

В индийском праве встречается достаточно много присущих странам англо-американской правовой семьи институтов материального и процессуального права. Среди первых особенно примечательны доверительная собственность (траст), которая регулируется Законом о трасте 1882 года, а также институты совместной и общей собственности, которые регулируются Законом о передаче имущества 1882 года. Правовой статус имущества, а также права и обязанности лиц, обладающих разного вида правами на имущество, уточняется в нормативных судебных актах.

Помимо рассмотренных выше институтов делегированного законодательства и прецедента, следует рассмотреть процессуальный институт показаний, основанных на слухах (*hearsay evidence*). Данный вид доказательства регулируется статьей 60 индийского Закона о доказательствах 1872 года, согласно которой показания, основанные на слухах, признаются недопустимыми, что схоже с регулированием данного института в странах англо-американского права.

При этом в отличие от стран англосаксонской правовой семьи в Индии был практически полностью упразднен институт присяжных заседателей в уголовном и гражданском процессе.

II. Историческое влияние и современное проявление в правовой системе Индии черт романо-германской (континентальной) правовой семьи

В отечественной литературе по компаративистике редко указывается на характеристики романо-германской правовой традиции, свойственные правовой системе Республики Индия. Тем не менее, историко-сравнительное исследование континентального и индийского права позволяет обнаружить определенные схожие черты этих правовых порядков. В качестве таковых в данном разделе рассмотрены (1) история применения континентальных правовых доктрин; (2) кодификация норм публичного и частного права; (3) выделение и развитие отраслей права и законодательства на примере административного права.

(1) История и современное применение романских правовых доктрин

В середине XVI века началась португальская колонизация индийских царств. Данный процесс сопровождался распространением на территорию колоний действия норм португальского права. Однако когда власть над территорией индийских колоний перешла к Франции и после – к Англии, а в 1672 году была учреждена новая судебная система, правоприменительную деятельность вплоть до 1682 года осуществляли юристы, обладавшие квалификацией в науках о романских правовых системах.

В научной литературе высказываются разные мнения относительно последующего развития и применения доктрин континентального права. Так, при рассмотрении концепции «правосудия,

справедливости и добросовестности» (*justice, equity and good conscience*), заимствованной из общего права Британии, В.С. Дешпанди утверждает, что она применялась судами исключительно в духе англо-американской правовой традиции. [1, с. 5] Однако К.М. Шарма указывает на частые случаи обращения к римской, нидерландской и французской правовой доктрине в процессе толкования и практического применения данной концепции. [8, с. 8-11]

По результатам рассмотрения истории и современного применения правовых доктрин стран романо-германской правовой семьи, К.М. Шарма приходит к выводу о том, что некоторые концепции сохраняются в правовой системе Индии до наших дней, в связи с чем более глубокое изучение индийскими юристами основ континентального права имеет особое значение для надлежащего применения правовых норм. [8, с. 38-39]

Освещенный в данной части статьи вопрос представляется недостаточно проработанным как в отечественной, так и в зарубежной компаративистской литературе.

(2) Кодификация норм публичного и частного права Индии

Индийскую правовую систему отличает свойственная странам романо-германской правовой семьи форма кодификации основных отраслей права. В сфере публичного права она выразилась в принятии уголовного, уголовно-процессуального и гражданского процессуального кодекса. В области частного права особого внимания достойны положения Конституции 1950 года о кодификации норм частного права, а также процесс систематизации норм *lex personalis* представителей разных религиозных общин в Индии.

Проект ныне действующего Уголовного кодекса Индии был принят в 1860 и вступил в силу в 1862 году. В работе «Историческое введение в уголовный кодекс Индии» Н.Х. Пиллей приводит выдержки из документов индийской Комиссии по вопросам права, согласно которым при составлении кодекса она руководствовалась опытом кодификации уголовного права Франции и американского штата Луизиана. [5] Влияние упомянутых актов проявляется в схожей структуре трех кодексов. При этом культурные и исторические особенности обуславливают специфику содержания и юридической техники индийского уголовного кодекса.

До принятия действующего гражданского процессуального кодекса 1903 года на территории Индии действовали кодификационные акты, принятые в 1858 и 1877 годах. Первый уголовно-процессуальный кодекс появился в Индии еще в 1861 году. Данный акт впоследствии дополнялся, а после был заменен ныне действующим кодексом 1973 года.

Статья 44 Конституции Республики Индия предписывает государству обеспечить принятие единого гражданского кодекса, распространяющего свое действие на всю

территорию Индии. На данный момент многие институты индийского частного права регулируются актами, схожими с британскими по сфере регулирования и содержанию (Закон о договорах 1872 года, Закон о компаниях 2013 года и так далее). В наименьшей степени кодифицировано деликтное право Индии, нормы которого содержатся в многочисленных законах и судебной практике. В то же время стоит упомянуть факт принятия в 2016 году Кодекса о несостоятельности и банкротстве, распространяющего свое действие на всю территорию Индии.

Представляется, что кодификация норм частного права затрудняется отличиями в регулировании гражданско-правовых отношений обычными и религиозными нормами многочисленных общин, населяющих территорию Индии. Поэтому немаловажным представляется рассмотрение процесса кодификации норм *lex personalis* физических лиц в Республике Индия.

Еще до обретения Индией независимости были приняты акты, регулирующие порядок применения норм личного закона отдельных индусских общин, а также норм личного закона парсов. Впоследствии стали приниматься законы, применяемые ко всем индусам вне зависимости принадлежности к конкретной общине. Одним из первых таких актов был Закон об имущественных правах индусских женщин 1937 года. В 1947 году был подготовлен проект Кодекса индусского права, который активно обсуждался законодательным органом Британской Индии, однако так и не был принят.

В 1954-1956 году парламентом Республики Индия был принят ряд законов, унифицировавших регулирование определенных институтов индусского права: Закон об особой форме брака 1954, Закон об индусском браке 1955 года, Закон о наследовании по индусскому праву 1956 года, Закон о несовершеннолетии и опеке в индуизме 1956 года и Закон об усыновлении и содержании ребенка 1956 года.

Наконец, в 1954 году был также принят Закон о специальных формах брака, предусматривающий режим применения религиозных норм о заключении и расторжении брака представителями всех конфессий, включая индусов, мусульман, христиан, иудеев и так далее.

Стремление к кодификации частноправовых норм с сохранением действия соответствующих основным принципам светского права норм религиозного и обычного права представителей местных общин можно считать особенностью правовой системы Индии.

(3) Возникновение и развитие административного права

В индийской юридической литературе отмечается необходимость формирования и развития административного права в качестве отдельной отрасли. В научных и исследовательских работах обозначается ее предмет — распределение полномочий, обязанности, функции и

ответственность правительственных органов, а также его основные источники – Конституция, законы и подзаконные акты. [3] В качестве основных принципов административного права выделяются верховенство права и судебный контроль деятельности администрации на основании доктрины *ultra vires*.

Согласно индийской учебной и научной доктрине, [3] административное право Индии включает в себя три нормативных блока: (1) полномочия и функции административных и квази-административных органов, (2) процедуры, посредством которых данные полномочия и функции осуществляются и (3) средства правовой защиты частных лиц в отношении незаконных действий и актов публичной администрации.

Выделение отраслей права на основании собственного предмета, метода и принципов свойственно континентальной правовой традиции. Следует отметить возможное заимствование индийскими юристами доктринального подхода романо-германских государств к выделению правовых отраслей.

III. Особенности применения норм индуcского личного закона на территории Республики Индия

В первую очередь стоит отметить, что нормы религиозного права применяются на территории Индии только к отношениям между частными лицами. Правовое регулирование публично-правовых отношений осуществляется в Республике Индия только посредством норм светского права.

Одной из особенностей применения индуcского личного закона является тот круг лиц, на который распространяются его нормы. Кодификационные акты 1954-1956 годов распространяют их действие на лиц, исповедующих любую форму индуизма, буддизма, джайнизма, сикхизма и любых лиц, проживающих на территории, к которой данный акт должен применяться, если такие лица не являются мусульманами, христианами, парсами или евреями по вероисповеданию или если не будет доказано, что при разрешении конкретного вопроса к данному лицу не применяются нормы индуcского права. Нормы рассматриваемой правовой системы применяются также к законнорожденным и незаконнорожденным детям, если оба их родителя исповедуют одну из перечисленных выше религий. Из-под действия норм индуcского права изъяты лица, относящиеся к так называемым зарегистрированным кастам и племенам.

К нормам индуcского личного закона относятся обычаи и традиции индуcских общин. К таковым относятся правила, которые соблюдались единообразно в течение долгого времени и в связи с этим обрели силу правовой нормы среди индуcсов какой-либо местности, племени, общины, группы или семейства. При этом такие правила должны быть точно определены и не должны быть неразумными либо противоречащими публичному порядку. Представляется, что нормы индуcского права приобрели в современной Индии статус правовых обычаев и механизм их применения

совпадает с механизмом применения обычая во многих государствах.

Некоторые индуcские обычаи были упразднены специальными законами или судебными решениями. Например, практика самосожжения вдовы индуcса (*sati*), была упразднена британским законом 1829 года, а тамильский обряд *thalaikoothal* (принудительная эвтаназия в отношении пожилых людей), был признан Верховным судом в решении по делу *Aruna Ramchandra Shanbaug v. Union of India* 2011 года противоречащим положениям статьи 21 Конституции Индии о праве на жизнь.

Примечательной особенностью применения религиозных норм в Республике Индия является то, что закон уполномочивает на их применение светские суды, в компетенцию которых входит разрешение гражданско-правовых споров, вплоть до Верховного суда Союза.

Выявленные особенности применения норм индуcского права на территории Индии представляют интерес как для целей исследования правовых систем стран Южной Азии, так и для целей изучения проблематики применения религиозных норм в современных светских правовых системах.

IV. Особенности применения мусульманского личного закона на территории Республики Индия

Применение индийскими судами норм более чем одной религиозной системы права само по себе примечательно. Правовым основанием применения на территории Индии норм мусульманского права является принятый в 1937 году Закон о применении мусульманского личного закона (шариата). Согласно статье 2 данного акта в отсутствие обычая или традиции, состоящей в ином, мусульманский личный закон (шариат) применяется к отношениям, связанным с наследованием по закону, имущественными правами лиц женского пола, а также к любым иным отношениям, регулируемым личным законом, например к брачным отношениям и различным видам расторжения брака.

При этом нормы шариата применяются в том случае, если лицо заявит перед органом государственной власти о подчинении правоотношения религиозным нормам. Такое заявление может сделать лицо, которое является мусульманином, обладает дееспособностью на заключение договоров по смыслу индийского Закона о договорах 1872 года, а также проживает на территории, на которую распространяет действие акт 1937 года. Законом предусмотрена процедура обжалования отказа в применении к лицу норм мусульманского личного закона.

В целях уточнения некоторых вопросов, связанных с рассмотрением исков о расторжении брака по инициативе супруги в соответствии с нормами шариата, в 1939 году был принят Закон о расторжении мусульманского брака.

При применении норм шариата индийские суды не просто проверяют их соответствие нормам светского права, но и исследуют соответствие

отдельных практик основным принципам мусульманского личного закона. Так, в 2002 году в Верховный суд Индии при рассмотрении вопроса о конституционности тройного талака в деле *Shamim Ara vs State Of U.P.*, опираясь на толкование норм шариата о данном виде расторжения брака индийскими судами, а также выдающимися представителями доктрины мусульманского права. По результатам рассмотрения спора Верховный суд признал тройной талак неконституционной практикой, отметив также его несоответствие принципам шариата.

V. Применение иных религиозных норм и норм обычного права в Республике Индия

В качестве личного закона физических лиц на территории Индии применяются не только нормы мусульманского и индуистского права, но и иные религиозные и обычные нормы, регулирующие правовой статус лиц, принадлежащих к разным общинам, в частноправовых отношениях. В этой связи стоит рассмотреть (1) особенности применения норм личного закона парсов и христиан и (2) вопрос правового режима защиты лиц от кастовой дискриминации.

(1) Религиозные нормы, применяемые в качестве личного закона парсов и христиан

Личный закон парсов применяется в Индии специализированными судами еще с XIX века. В современной Индии сохраняет силу Закон о заключении и расторжении брака парсами 1936 года, в соответствии с которым учреждаются специализированные матримониальные суды, в компетенцию которых входит разрешение споров из брачных отношений парсов. Это единственные суды, в которых в рассмотрении дела по существу могут участвовать присяжные заседатели.

Также на территории Индии действует специальный Закон о христианском браке 1872 года, устанавливающий порядок заключения и расторжения христианского церковного брака. Данный закон распространяет действие на последователей различных ответвлений христианства. В научной литературе отмечается, что при применении норм данного акта суды часто прибегают к правовым фикциям и иным приемам юридической техники с целью облегчения применения этого весьма архаичного закона. [4, с. 271-272]

(2) Правовой режим защиты лиц от кастовой дискриминации в Индии

По данным международных неправительственных организаций, кастовая дискриминация, хотя исторически и была обусловлена системой индуистских религиозных воззрений, на сегодняшний день проявляется среди представителей разных конфессий. Она представляет собой социальное, а не исключительно религиозное явление, поэтому представляется, что противодействуя дискриминации по кастовому признаку, индийский законодатель стремится исключить применение обычных, а не религиозных норм.

Правовой механизм борьбы с кастовым неравенством на территории Республики Индия основывается на конституционных нормах, касающихся упразднения неприкасаемости, недопущения дискриминации по кастовому признаку, а также позитивной дискриминации в отношении так называемых далитов. Приложения к основному закону содержат списки зарегистрированных каст и племен, на которые распространяется закрепленный в Конституции режим. В целях исполнения конституционных норм об обеспечении кастового равенства в Индии были приняты специальные законы и многочисленные указы Президента Республики.

В 1989 году был принят специальный Закон о предупреждении злодеяний в отношении зарегистрированных каст и зарегистрированных племен, а также учреждены специализированные судебные органы для рассмотрения дел о кастовой дискриминации. Толкование норм о запрете кастовой дискриминации индийскими судебными органами привело к закреплению дополнительных гарантий прав представителей различных каст.

Несмотря на определенные трудности, с которыми сталкиваются органы публичной администрации и частные лица в ходе практического применения правового механизма борьбы с кастовым неравенством, опыт подобного регулирования общественных отношений представляется достойной рассмотрению чертой индийской правовой системы.

Заключение

Квалификация правовой системы Республики Индия в качестве смешанной не вызывает сомнений. Хотя индийский правопорядок основывается на принципах англосаксонского права, он проявляет черты, свойственные континентальным правовым системам, а также допускает регулирование отношений между частными лицами нормами *lex personalis* представителей разных религиозных течений.

В той степени, в которой в индийской правовой системе имеет место проявление черт различных правовых семей или систем, такое проявление характеризуется национальными особенностями. К таковым можно отнести ограничение сферы применения заимствованных правовых принципов, особый подход к систематизации права, сочетание религиозных и светских норм, особые правовые институты и конструкции и другие.

Дальнейшее изучение особенностей правовой системы Индии может способствовать формированию достоверного знания о юридической географии мира, о смешанных правовых системах, а также о совместимости и взаимодействии различных источников права, правовых доктрин и правоприменительных практик на фоне общей тенденции к взаимной интеграции правопорядков различных государств.

Список литературы:

- [1] Deshpande V. S. Nature of the Indian Legal System // The Indian Legal System; 1978: 1-17.
- [2] Laxmikanth M. Indian polity // McGraw-Hill Education; 2016.
- [3] Massey I.P. Administrative law // Eastern Book Company; 2008.
- [4] Master M. Personal laws of religious communities in India. Parsi Zoroastrian, Christian, Muslim, Hindu, and Jewish; 1986.
- [5] Pillai K. N., Aquil S. Essays on the Indian Penal Code // Indian Law Institute, New Delhi; 2015.
- [6] Ramakrishnan V. Guide to Indian Laws; 2001.
- [7] Singh M. P., Kumar N. (ed.). The Indian yearbook of comparative law 2016 // Oxford University Press; 2017.
- [8] Sharma K. M. Civil Law in India // Wash. ULQ; 1969.

УДК – 340.5:347.73
ГРНТИ 10.21.91

«РАЗРЕШЕНИЕ НАЛОГОВЫХ СПОРОВ В СОЕДИНЁННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ»

DOI: [10.31618/ESU.2413-9335.2020.6.70.561](https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2020.6.70.561)

Чертков Николай Николаевич

Студент

Токарева Оксана Степановна

Доцент кафедры

международного права и сравнительного правоведения

Юридического института

Иркутского Государственного Университета

“RESOLVING OF TAX CONTROVERSY IN THE UNITED STATES OF AMERICA”

Chertkov Nikolai Nicolaevich

Student

Tokareva Oksana Stepanovna

Cand. Philol. Sciences, ass. professor

Department of International Law and Comparative Legal Study

Law Institute, Irkutsk state University

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается Налоговый суд США, история его возникновения, юрисдикция, судьи, представительство сторон, генезис налогового судебного спора, порядок рассмотрения дел, положение Налогового Суда в системе административной юстиции США, разрешение налоговых споров РФ и США.

ABSTRACT

The article deals with the comparative study of the structure and status of the US Tax Court and the Russian Federation court system in resolving of tax controversy. The authors focus on the description of jurisdiction, functions of judges, proxyship of parties in controversy, genesis of tax controversy and order of proceedings. Special emphases are given to the defining of the status of the US Tax Court in the system of the US Administrative justice and ways of resolving of tax disputes in the Russian Federation and the USA.

Ключевые слова: Налоговый суд США, юрисдикция налогового суда, судьи, генезис налогового судебного спора, сравнительно-правовой анализ судебной системы РФ и США в решении налоговых споров.

Keywords: The US Tax Court, jurisdiction of the US Tax Court, judges, genesis of tax controversy, rather-legal analysis of the Russian Federation US court system in resolving tax controversy.

Общепризнанным можно считать тот факт, что в обеспечении института прав человека органы государственной власти играют значительную роль. Эти институты созданы не только с целью обеспечения необходимых условий для защиты прав человека, но также призваны выполнять реальную функцию защиты этих прав и свобод. Органы налогового контроля не являются исключением из правил. Проблема обеспечения соблюдения порядка правовых норм в сфере налоговых отношений является одной из самых важных задач, которые ставятся перед органами власти любого государства.

Как показывает судебная практика, взаимоотношения между налогоплательщиками и налоговыми органами, независимо от устройства налоговой и судебной системы конкретного государства, как правило, имеют конфликтный характер. Это объясняется, прежде всего, наличием объективных противоречий, появляющихся между финансовыми интересами физических лиц и организаций с одной стороны, и государственными структурами – с другой. В тех случаях, когда сторонам конфликта не удается прийти к единому мнению, а досудебные способы урегулирования налоговых споров исчерпаны, для защиты своих

прав и интересов граждане или организация вправе обратиться в суд.

Целью настоящей статьи является описание особенностей структуры и функционирования Налогового суда США на основе выводов, полученных в результате проведения сравнительно-правового анализа судебной системы РФ и США в решении налоговых споров.

Дела о налоговых спорах в Российской Федерации рассматриваются судами общей юрисдикции, арбитражными судами и Конституционным судом.

Большинство налоговых споров рассматриваются в арбитражных судах. Это дела с участием индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, которые обращаются в суд для разрешения конфликтов с налоговыми органами. В арбитражных судах рассматриваются иски об оспаривании решений налоговых органов, о возврате из бюджета неправомерно удержанных сумм.

Судами общей юрисдикции рассматриваются споры с участием граждан, в том числе граждан, которые утратили или прекратили статус индивидуального предпринимателя. Так, мировые судьи рассматривают заявления о вынесении судебного приказа по требованиям о взыскании обязательных платежей и санкций, районные суды – административные иски граждан об оспаривании решений, действий (бездействия) налоговых органов и их должностных лиц, а также уголовные дела о налоговых преступлениях, Верховный Суд Российской Федерации – об оспаривании нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации (о признании не действующим постановления правительства, не соответствующего Федеральному Закону), а также ненормативных актов Правительства Российской Федерации, если налогоплательщик не согласен с позицией налоговых органов, изложенной в письме или инструкции.

Принимаемые судами решения по налоговым спорам существенно влияют на практику налогообложения, несмотря на то, что судебный прецедент в России не учитывается при рассмотрении аналогичных дел.

Конституционный Суд Российской Федерации рассматривает дела о несоответствии законов и постановлений Правительства Российской Федерации, принятых по вопросам налогообложения, Конституции Российской Федерации. Постановления и определения, принимаемые Конституционным Судом Российской Федерации по налоговым спорам, всегда имеют широкий резонанс и влияют на развитие налогового законодательства в целом. Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации представляет собой принцип решения группы аналогичных дел, обнаруженный на примере исследования конституционности оспоренной нормы [1].

В отличие от Российской Федерации, в Соединенных Штатах Америки большинство налоговых споров рассматривает Налоговый суд (U.S. Tax Court).

Главным налоговым органом США является Служба внутренних доходов (СВД) – государственный орган Федерального правительства США, который занимается сбором налогов и контролирует соблюдение законодательства о налогообложении по аналогии с Федеральной налоговой службой Российской Федерации. По результатам проверок СВД принимает решение о начислении недоимки по налогам и обеспечивает своими силами незамедлительное обращение взыскания на имущество должника, если он не оспорил в установленный 90-дневный срок предъявленное ему СВД требование об уплате недоимки.

Чтобы оспорить такое требование налогоплательщик вправе обратиться с иском в Налоговый суд США.

Налоговый суд Соединенных Штатов является федеральным судом первой инстанции, учрежденным Конгрессом в соответствии со статьей I Конституции США, раздел 8 которой предусматривает, что Конгресс имеет право «создавать суды, подчиненные Верховному суду» [2, 3].

Следует отметить, что Налоговый суд – особый орган судебной власти США, единственный специализированный суд, который уполномочен рассматривать только налоговые споры по федеральному подоходному налогу. Налогоплательщик вправе обратиться с иском в Налоговый суд до уплаты налога, когда Служба внутренних доходов производит формальные начисления.

В окружной суд Соединенных Штатов или в Федеральный суд Соединенных Штатов налогоплательщик может подать иск только после того, как налог уплачен, и заявить требование о возврате оспариваемой суммы («full payment rule» of *Flora v. United States*). Основание предъявления иска в окружной суд – наличие крупной по размеру претензии к федеральному казначейству, цена иска должна быть не менее 100 тысяч долларов. Поэтому количество налоговых споров, рассматриваемых в Налоговом суде США намного больше [2].

В нижеследующей части статьи авторы посчитали целесообразным остановиться на историческом аспекте развития американской системы рассмотрения налоговых споров.

До создания Налогового суда США налоговые споры в досудебном порядке разрешал Совет США по налоговым апелляциям (U.S. Board of Tax Appeals), учрежденный Конгрессом в законе о доходах 1924 года (также известный как налоговый законопроект Меллона).

Совет по налоговым апелляциям США являлся частью американской налоговой службы – структурой СВД. Основная цель создания этой структуры заключалась в освобождении СВД от большого количества налоговых споров, так же как и единообразии в применении налогового законодательства и решении проблем, появившихся в результате возрастающей сложности самого процесса налогообложения.

Совет, возглавляемый председателем, первоначально состоял из 16 членов. Первое

заседание Совета по налоговым апелляциям США длилось с 16 июля 1924 г. по 31 мая 1925 г. В источниках указывается, что причиной длительности заседания явилось большое количество налоговых споров подлежащих рассмотрению, накопившихся в СВД.

В 1929 году Верховный Суд Соединенных Штатов указал, что Совет налоговых апелляций не является «судом», но «исполнительным или административным советом», по решению которого сторонам предоставляется возможность обосновать ходатайство о пересмотре налогового спора в судах после того, как их вопрос в административном порядке рассмотрен Советом и по которому принято решение.

В 1942 году Конгресс принял Закон Дохода, в котором переименовал Совет в Налоговый суд Соединенных Штатов. После этих изменений члены Совета стали судьями, и председатель стал председательствующим судьей.

В 1956 году стремление разделить судебную и исполнительную власть привели к первоначальным попыткам создать Налоговый суд, переместив его в отдельное здание. Однако до 1969 года Совет по налоговым апелляциям оставался частью исполнительной власти, несмотря на то, что его члены имели значительную автономию в структуре административных органов США.

Только в 1969 году в Законе о налоговой реформе Совет по налоговым апелляциям был реорганизован и переименован в Налоговый суд США и стал частью федеральной судебной системы, существующей по настоящее время [2,3].

В 1991 году Верховный суд США по делу *Freitag v. Commissioner* пришел к выводу, что Налоговый суд Соединенных Штатов является «законодательным судом», который «осуществляет часть судебной власти Соединенных Штатов». Верховный Суд США объяснил, что налоговый суд осуществляет судебную власть, исключая любую другую функцию, а также осуществляет свою судебную власть во многом в той же мере, как федеральные окружные суды осуществляют свою.

Таким образом, Верховный Суд пришел к выводу, что Налоговый суд осуществляет судебную, а не исполнительную, законодательную или административную власть. Верховный Суд указал также, что Налоговый суд остается независимым от исполнительной и законодательной ветвей власти, в том смысле, что его решения не подлежат апелляцияльному пересмотру Конгрессом, Президентом или, окружными судами.

Президент, однако, уполномочен удалять судей Налогового суда после особого уведомления и служебного расследования за «неэффективность, пренебрежение обязанностями или должностное преступление». Судья Скалия вместе с четырьмя другими судьями в особом мнении не согласился с доводами большинства судей, охарактеризовав полномочия налогового суда как исполнительные, а не судебные [3].

Разногласия относительно статуса суда продлились еще некоторое время. Так, в Справочнике государственных должностей США

(United States Government Policy and Supporting Positions) 2008 года («Сливовая книга») Налоговый суд отнесен к законодательной ветви власти. В пересмотренной версии Справочника 2012 года Налоговый суд не был включен ни в законодательную, ни в исполнительную ветви власти. В соответствии с поправкой к Налоговому кодексу 1986 года, принятой в конце 2015 года, Налоговый суд США «не является органом исполнительной власти правительства и не зависит от него». Однако статья 7443 (f) кодекса по-прежнему предусматривает, что судья Налогового суда может быть отстранен от должности Президентом «за неэффективность, неисполнение обязанностей или должностное преступление».

Юрисдикция. Юрисдикция Налогового Суда США определяется как судебный орган США, рассматривающий споры относительно исков налогоплательщиков к налоговым органам, исков налоговых органов о взыскании недоимки, а также дела по обвинению в уклонении от уплаты налогов.

В соответствии с процессуальным порядком рассмотрения налоговых споров, установленным в главе 76 Кодекса внутренних доходов, к юрисдикции Налогового суда США относятся, прежде всего, иски налогоплательщиков в отношении правильности информации, содержащейся в уведомлении налоговых органов о недоимках [4].

По видам налогов это могут быть споры, касающиеся налогов на доходы физических лиц, налога на дарение, налога на наследственное имущество, а также относительно некоторых видов акцизов [2].

Судьи. Налоговый Суд состоит из 19 судей, назначение которых производится Президентом США по рекомендации и с согласия Сената США.

Главный судья (Chief Judge) избирается 19 судьями сроком на два года и наряду с разрешением налоговых споров осуществляет административно-распорядительные функции. Главный судья также руководит аппаратом Суда, состоящим из юридических клерков, секретарей, библиотекарей и других работников [2,3].

Помимо 19 основных судей в Суде представлены еще 8-9 старших судей (из числа ушедших в отставку), которым поручается разрешение отдельных налоговых споров, и 6 судей-посредников (Special-trial judges), которые принимают участие в деле на стадии подготовки его к слушанию, а также в случае упрощенной процедуры разбирательства.

Судьи-посредники (Special-trial judges) выполняют функцию, аналогичную той, которую выполняют мировые судьи окружных судов Соединенных Штатов, и могут рассматривать дела о недоимках или переплатах в размере до 50 000 долларов. Судьи специальных судебных процессов могут издавать судебные приказы, способствовать переговорам сторон и обмену документами на предварительной стадии разбирательства с тем, чтобы у сторон не осталось «расхождений по вопросам права». Рассмотрение дел специальными судьями осуществляется в упрощенном порядке с

согласия налогоплательщиков. Принимаемые по ним решения не подлежат обжалованию.

Следует отметить, что все судьи должны иметь опыт работы в области налогового законодательства. Несмотря на то, что здание суда и все судьи находятся в Вашингтоне (округ Колумбия), судьи Налогового суда могут заседать «в любом месте на территории Соединенных Штатов». Для скорейшего рассмотрения налоговых споров и удобства налогоплательщиков судьи Налогового суда перемещаются по всей стране для проведения судебных процессов в различных городах, осуществляя так называемое «выездное правосудие» (visiting court session), если это удобно налогоплательщику и будет способствовать быстрому разрешению спора.

Представительство сторон.

Государственные интересы в Налоговом суде представляет главный юридический советник Налогового управления США (Internal Revenue Service - IRS) и его подчиненные [3].

Налогоплательщики могут защищать себя самостоятельно либо через представителя. В таких случаях Налоговый суд разрешает лицам, которые не являются адвокатами, быть допущенным к практике и представлять интересы налогоплательщиков после сдачи экзамена, проводимого судом по вопросам правил судопроизводства, материальных норм налогового права и судебной этике.

Адвокаты, которые предоставляют доказательства членства и имеют хорошую репутацию в государственной коллегии адвокатов или адвокатуре округа Колумбия, могут быть допущены в коллегию адвокатов Налогового суда. Практика Налогового суда является узкоспециализированной, и большинство практикующих являются лицензированными адвокатами, которые специализируются именно на налоговых спорах [3].

Генезис налогового судебного спора. Многие налоговые судебные дела связаны со спорами по федеральному подоходному налогу и штрафам после рассмотрения Службой внутренних доходов декларации налогоплательщика. После направления налогоплательщику предварительных письменных уведомлений и отсутствия соглашения между налогоплательщиком и Налоговым управлением США (IRS), IRS формально определяет сумму недоимки по налогу и выдает официальное уведомление, называемое «статутным уведомлением о дефиците» или «девяностодневным письмом». Хотелось бы также отметить, что термин «дефицит» является юридическим термином и не обязательно должен быть аналогичным сумме неуплаченного налога (хотя обычно дело обстоит именно таким образом). После выдачи обязательного уведомления о дефиците у налогоплательщика есть 90 дней, чтобы подать заявление в Налоговый суд о «переопределении дефицита». Если ходатайство своевременно не подано, IRS может затем законно «оченить» налог, что означает административно и формально зафиксировать налог в бухгалтерских книгах Министерства финансов Соединенных

Штатов. Эта формальная обязательная оценка является важным актом, после которого установленное налоговое удержание вступает в силу и обременяет все имущество и права на имущество налогоплательщика [5].

Порядок рассмотрения дел.

Налогоплательщику необходимо в течение 90 дней подать заявление в Налоговый суд, уплатив пошлину в размере 60 долларов США. Суд не может продлить срок подачи документов, установленный законом, и должен отказать в рассмотрении иска в случае, если оно подано по истечении установленного законом срока [2].

С момента подачи заявления взыскание налога с плательщика обычно откладывается до принятия решения по делу.

К форме и содержанию искового заявления Правилами и процедурами судопроизводства предъявляются жесткие требования, и если заявление изложено нечетко, суд возлагает на заявителя обязанность сформулировать требования более определенно. Если требование суда не исполнено, то суд отказывает в принятии заявления, как поданного с нарушениями [6].

После принятия иска суд направляет его копию ответчику и предоставляет ответчику срок для подготовки отзыва: налоговому органу 60 дней, налогоплательщику - 45.

При рассмотрении дел в Налоговом суде основным является принцип правильного заключения налогового органа, поэтому по спорам о недоимке основное бремя доказывания оснований иска лежит на налогоплательщике. Налоговый орган обязан представить доказательства фактам, опровергающим иск налогоплательщика либо доказательства обмана с его стороны. Если налоговым органом не опровергнуты утверждения налогоплательщика, то предполагается, что налоговый орган согласен с претензиями истца.

Налоговый суд вручает сторонам стандартный предварительный судебный приказ, в котором описан порядок урегулирования спора с участием судьи-посредника.

В случае необходимости примирительных процедур, следует отметить, что направлены они на то, чтобы выяснить позиции сторон, сократить перечень разногласий и найти возможность разрешения спора без судебного разбирательства. Как показывает статистика, большая часть налоговых споров заканчивается мировыми соглашениями сторон до судебного разбирательства.

Рассмотрение дел назначается как можно скорее, стороны уведомляются судом о дате, времени и месте судебного разбирательства. Судебные процессы проводятся в присутствии одного судьи без присяжных, и налогоплательщикам разрешается представлять себя, если они этого пожелают.

В некоторых спорах по налогам до 50 000 долларов США или менее, налогоплательщики могут выбрать, чтобы дело проводилось в соответствии с упрощенной процедурой «малого налогового дела». Судебные процессы по мелким налоговым спорам менее формальны и решения

принимаются в достаточно короткие сроки. Подавляющее большинство дел решается по взаимному согласию без необходимости судебного разбирательства. Однако необходимо указать, на тот факт, что решения, принятые в соответствии с процедурами рассмотрения небольших налоговых дел, не подлежат обжалованию и не являются прецедентными.

По окончании слушания дела налоговый судья может сразу объявить устное решение, которое записывается секретарем. Но во многих случаях решение принимается в письменной форме по истечении определенного времени (иногда через несколько месяцев). Такое решение проходит процедуру проверки, в рамках которой передается главному судье и другим судьям. При наличии разногласий у судей, решение выносится на рассмотрение всего состава суда – «конференцию суда», которая принимает решение большинством голосов.

Решения, принятые конференцией судей (подтвержденные решения) и решения, принятые главным судьей, публикуются в виде официальных правительственных изданий «Отчеты налогового суда Соединенных штатов», после чего используются в качестве прецедентов по налоговым спорам.

Решения налогового суда могут быть пересмотрены в апелляционном порядке соответствующим географическим апелляционным судом Соединенных Штатов. Жалобы могут быть поданы в 60-дневный срок в один из 13 апелляционных судов США по месту рассмотрения дела. Апелляционный суд проверяет правильность принятого решения с точки зрения соблюдения требований закона (суд права).

Рассмотрение налоговых дел в 13 апелляционных судах мешает достижению единообразия в судебной практике по разрешению налоговых споров. В связи с этим время от времени Конгрессом предпринимались попытки по созданию единого национального Апелляционного суда по налоговым делам в США, однако проект о его создании не прошел. Поэтому судьи Налогового суда при рассмотрении жалоб следуют «правилу Гольсена», согласно которому они должны руководствоваться установками соответствующего апелляционного суда [4,5].

На основании описанного выше, хотелось бы отметить, что американское налоговое законодательство весьма сложно. К двухтомному Налоговому кодексу США прилагается шесть томов инструкций и разъяснений Федеральной налоговой службы США и Государственного казначейства, которые могут носить законодательный либо разъясняющий характер.

Налоговый суд США, рассматривая налоговые споры, обеспечивает единообразное применение налогового законодательства, создает обязательные к применению прецеденты, используя которые в практике, налогоплательщики разрешают проблемы растущей сложности налогообложения [6].

Безусловно, рассмотрение абсолютного большинства налоговых споров в одном судебном органе, уполномоченном разрешать только налоговые споры, обеспечивает единообразие судебной практики по данной категории дел. Вместе с тем, без создания единого национального Апелляционного суда по налоговым делам, эта система представляется не безупречной.

Противоречия в законодательстве Российской Федерации о налогах и сборах неоднократно являлись предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации, по результатам которого были сформулированы основные конституционные принципы налогообложения в Российской Федерации [7].

Правовое обоснование судебных актов Верховного Суда Российской Федерации по налоговым спорам также служит ориентиром для принятия последующих решений по аналогичным ситуациям.

Несмотря на то, что система Российского права исключает судебный прецедент как источник права, рассматривая налоговые споры, суды Российской Федерации существенно влияют на практику налогообложения. Крупные налогоплательщики, используя судебные процедуры, избегают ошибок в спорах с налоговыми органами. Для этого они сами инициируют спор, чтобы узнать позицию суда по сложному вопросу, а затем исчислить и уплатить налог на основании вступившего в законную силу судебного решения.

Таким образом, определенность налоговых правоотношений и в Соединенных Штатах Америки, и в Российской Федерации во многом зависит от судебных решений по налоговым спорам. Это позволяет считать судебную защиту наиболее эффективным средством защиты прав.

Список использованной литературы

1. Гаджиев Г.А. Правовые позиции Конституционного Суда РФ как новый источник российского гражданского права // Закон. 2006. Ноябрь. С.25.
2. Official Web Site of the United States Tax Court [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.taxcourtus.gov
3. United States Tax Court Rules of Practice and Procedure [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.taxcourtus.gov
4. Official IRS Appeals Office Website [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.irs.gov/appeals>
5. Федеральная судебная система США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
6. Лардо Д. Актуальные налоговые споры в США // Налоговед. 2012. N 6. С. 72.
7. Официальный сайт Федеральной Налоговой Службы РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nalog.ru/rn77/taxation/jud_settlement/

ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ УЧЕНЫХ (ЕСУ)

Ежемесячный научный журнал

№ 1 (70)/ 2020

6 часть

Редакционная коллегия:

д.п.н., профессор Аркулин Т.В. (Москва, РФ)

Члены редакционной коллегии:

- Артафонов Вячеслав Борисович, кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического и природоресурсного права (Москва, РФ);
- Игнатьева Ирина Евгеньевна, кандидат экономических, преподаватель кафедры менеджмента (Москва, РФ);
- Кажемаев Александр Викторович, кандидат психологических, доцент кафедры финансового права (Саратов, РФ);
- Кортун Аркадий Владимирович, доктор педагогических, профессор кафедры теории государства и права (Нижний Новгород, РФ);
- Ровенская Елена Рафаиловна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз, директор Института судебных экспертиз (Москва, Россия);
- Селиктарова Ксения Николаевна (Москва, Россия);
- Сорновская Наталья Александровна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и политологии;
- Свистун Алексей Александрович, кандидат филологических наук, доцент, советник при ректорате (Москва, Россия);
- Тюменев Дмитрий Александрович, кандидат юридических наук (Киев, Украина)
- Варкумова Елена Евгеньевна, кандидат филологических, доцент кафедры филологии (Астана, Казахстан);
- Каверин Владимир Владимирович, научный сотрудник архитектурного факультета, доцент (Минск, Белоруссия)
- Чукмаев Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права (Астана, Казахстан)

Ответственный редактор

д.п.н., профессор Каркушин Дмитрий Петрович (Москва, Россия)

Художник: Косыгин В.Т

Верстка: Зарубина К.Л.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Адрес редакции:

г.Москва, Лужнецкая набережная 2/4, офис №17, 119270 Россия

E-mail: info@euroasia-science.ru ;

www.euroasia-science.ru

Учредитель и издатель ООО «Логика+»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии г.Москва, Лужнецкая набережная 2/4, офис №17, 119270 Россия